

Библиотека журнала
"АРХЕОЛОГИЯ"

П.П. ТОЛОЧКО

АРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

(В ЗАЩИТУ ИСТОРИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА)

Библиотека журнала
“АРХЕОЛОГІЯ”

П.П. ТОЛОЧКО

АРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

(В ЗАЩИТУ ИСТОРИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА)

АКАДЕМПЕРИОДИКА
Київ • 2007

УДК [902+94(3)]:141.82
ББК 63
Т 52

Толочко П.П. Археология и древняя история (В защиту исторического марксизма). – К.: ИД "Академперіодика", 2007. – 104 с.

Монография посвящена теоретическим проблемам археологии и древней истории. В ней показана органическая исследовательская связь этих дисциплин, содержится вывод о том, что в задачу археологов входит не только добывание и изучение вещественных источников, но и реконструкция жизни древних обществ. Кроме того, обосновывается корректность марксистского понимания древней истории, в том числе и ее формационной периодизации.

Исследование рассчитано на специалистов археологов и историков, преподавателей и студентов исторических факультетов, а также всех интересующихся археологией и древней историей.

*Древности — эта стертая история
или остатки истории, которые случайно
ускользнули с потонувшего
корабля времени.*

Френсис БЕКОН —
английский философ XVIII в.

Предисловие

Настоящая работа является, с одной стороны, своеобразным "долгим эхом" дискуссий, вызванных написанием "Древней истории Украины"¹, а с другой, — реакцией на новомодные теории исторической периодизации, которыми в избытке "раду ют" научную общественность теоретики так называемого цивилизационного развития человечества.

В свое время коллектив Института археологии Украинской Академии наук определил своей главной задачей очень необычное и амбициозное обязательство написать древнюю историю Украины. Оно вызвало оживленную дискуссию как в самом институте, так и за его пределами. В те же годы на страницах археологических изданий Москвы, Ленинграда и Киева активно обсуждались вопросы компетенции археологической науки. По существу, право на истинность оспаривали две концепции. Сторонники одной из них, а это, преимущественно, ленинградские исследователи во главе с А.С. Клейном, отводили археологии исключительно источниковедческую, можно сказать даже, вещеведческую роль. Сторонники другой концепции, главным образом, киевские ученые во главе с Ю.Н. Захаруком и В.Ф. Генингом, утверждали, что археология является исторической наукой, а поэтому должна изучать не только материальные древности, но и общества, их создавшие. Фактически, киевская археологическая школа продолжала традицию, основы которой заложили еще археологи первых советских поколений, представлявшие все три названные археологические центры страны. Это В.И. Равдоникас, А.В. Арциховский, М.И. Артамонов, Б.А. Рыбаков, Б.Б. Пиотровский, А.А. Монгайт, П.Н. Третьяков, С.Н. Бибииков, В.И. Довженко и др.

Разумеется, написание древней истории Украины было чрезвычайно сложной задачей. Требовалось выработать общие

---

¹ Давня історія України. — К., 1997. — Т. 1.; К., 1998. — Т. 2.; К., 2000. — Т. 3.

теоретические принципы работы, определиться со структурой и формой подачи материала, согласовать соотношение археологической информации и исторических реконструкций. Надо отметить, что подготовительная работа заняла больше времени, чем написание текстов...

Работа уже давно увидела свет, доброжелательно встречена научной общественностью, а у меня — руководителя этого неординарного историко-археологического проекта — до сих пор остаются сомнения: оказались ли мы — археологи — на уровне взятой на себя задачи? Погрузившись тогда в сферу теоретического осмысления возможностей археологии в постижении истории древних обществ и изложив свои взгляды в предисловии к первому тому, я уже не мог освободиться от подобных размышлений. Время от времени, возвращаясь к ним и с интересом слежу за тем, что пишут по этому поводу коллеги.

Другим побудительным мотивом, спровоцировавшим написание этой работы, была серия объемных монографий, вышедших в последнее время и посвященных истории мировых цивилизаций. Никакого предубеждения к подобной тематике у автора, разумеется, нет. Книги эти нашли во мне, если не очень благодарного, то определенно заинтересованного читателя. Думаю, одного из немногих, кто осилил эти тысячестраничные фолианты до конца. Они наполнены неимоверно скучными философскими рассуждениями на тему, что такое цивилизация, чем она отличается от культуры, как соотносится с государством, а также невообразимым количеством терминологических определений цивилизаций, часто основанных на разных оценочных критериях. Разобраться в их иерархии просто невозможно.

Читая, обнаружил одно общее место для всех таких работ. Оказывается, их авторы одинаково озабочены тем, чтобы преодолеть наконец марксистское представление о мировом историческом процессе, которое в советское время находилось на положении своеобразной истматовской псевдорелигии и сковывало историческую мысль. Некоторые авторы призывают вообще отвергнуть марксистские положения, причем сделать это "решительно и последовательно". Другие, сетуя на то, что К. Маркс и Ф. Энгельс неоправданно полагали определяющим в истории экономический фактор, призывают обратить, наконец, внимание на культуру. При этом уже ей отводят главную роль в истории. И те, и другие призывают заменить марксистскую формационную периодизацию цивилизационной. То, что последняя может относиться лишь к 5 тысячам лет из более чем двухмиллионной эволюции человечества, их, как будто, и не очень смущает. В союзники они берут отечественных и

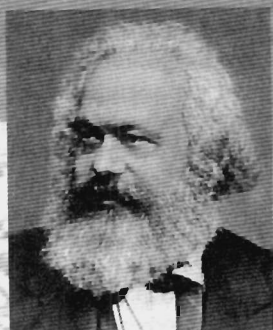
зарубежных исследователей, которые не разделяли (или не разделяют) жесткой эволюционной схемы истории, предложенной К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Можно было ожидать, что освободившись от "истматовских" оков и обогатившись мыслями крупнейших цивилизационистов, работы которых ранее нам были недоступны, авторы толстых монографий, во-первых, убедительно покажут несостоятельность марксистской формационной периодизации, а во-вторых, действительно заменят ее новой — лучшей. Убедиться в этом на основании прочитанного так и не удалось. Ничего лучшего авторы не предложили. Более того, и от марксизма не отказались, несмотря на громкие заявления. Во многих случаях, предварительно попиная классиков, они затем приходят к тем же выводам, хотя и облачают их в иные формулировки. По существу, не в лучшем положении находятся и многие европейские антимарксисты, которые в постсоветской историографии превратились в своеобразную антитезу К. Марксу и Ф. Энгельсу. При внимательном ознакомлении с их пониманием мировой истории становится очевидным, что во многом оно совпадает с марксистским. По ходу изложения материала читатель сможет убедиться, что сказанное выше небезосновательно.

Когда-то Ф. Энгельс был встревожен тем, что книга А.Г. Моргана "Древнее общество" всячески замалчивается, хотя представители "доисторической" науки в Англии списывают ее также усердно, как это делали немецкие экономисты с "Капиталом" К. Маркса. Сейчас прямого списывания нет, но есть умалчивание или искажение мыслей К. Маркса и Ф. Энгельса. Пикантность ситуации заключается в том, что это делают авторы, которые никак не продемонстрировали своего выхода за пределы марксизма. Мне такая ситуация представляется, мягко говоря, неэтичной, и я решил выступить в защиту марксистского понимания мирового исторического процесса.

Памятуя о не очень счастливой читательской судьбе толстых теоретических книг, я постарался сделать это максимально лаконично, дабы не слишком утомить тех, кто интересуется этой работой.

Устарела ли формационная периодизация истории?

Проблема периодизации истории является одной из наиболее обсуждаемых. С тех пор, как появилась на порядке дня во второй половине XVIII в., она уже не сходила с него никогда. Ею занимались историки, философы, экономисты, этнологи. По сути все они согласно приходили к тривиальному выводу, что мировой исторический процесс действительно членился на определенные периоды или стадии. Здесь нет необходимости подробно останавливаться на историографии этого вопроса, тем более, что она достаточно подробно изложена в ряде монографических исследований последнего времени².

Особого разговора заслуживает, пожалуй, только теория К. Маркса и Ф. Энгельса об эволюционной формационности мировой истории. Во-первых, потому, что она на протяжении более чем 150 лет являлась одной из определяющих концепций членения поступательного движения человеческого общества. А во-вторых, потому, что с крушением социалистического эксперимента в Советском Союзе и странах Восточной Европы, эта теория превратилась на этом пространстве в наиболее поругаемую. Стало чуть ли не правилом хорошего исследовательского тона отмежеваться от взглядов классиков, заявить о своем несогласии с материалистическим пониманием исторического процесса. В пылу полемики, многие исследователи даже не потрудились расчлнить собственно марксистское учение о формациях и его

---

² Павленко Ю.В. История мировой цивилизации. Философский анализ. — К., 2002. — С. 31—55; Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. — М., 2006. — Т. 1. — С. 27—86.

догматическое восприятие в работах верных последователей марксизма — истматовцев.

Что же не устраивает исследователей нового времени в марксистской формационной периодизации? Четкого ответа на этот вопрос, по существу, нет. Одним кажется, что она излишне жесткая, не учитывающая всего многообразия исторической эволюции. Другие не согласны с тем, что в ее основе лежит фактор экономического развития общества, который определяет все остальные стороны жизни. Третьи иронизируют над учением о классовой борьбе как основе исторического процесса. Испытанию на прочность подвергаются и названия формаций. В большей степени это относится к "рабовладельческой" и "феодальной" формациям, но и к "первобытной" тоже. Первые две по причине того, что не были стадияльно универсальными для всех регионов мира, третья потому, что не предполагает внутрiformационного членения. Все это, по мнению некоторых современных исследователей, "требует решительного и последовательного отказа от формационной схемы не только не марксистских, но и остающихся на платформе этой концепции авторов"³.

Не правда ли, знакомая стилистика? Раньше решительно и последовательно утверждали марксистский эволюционизм, теперь с аналогичной ортодоксальностью призываем отказываться от него. К сожалению, это уже и происходит, хотя, правда, "решительность" не подкрепляется "последовательностью". Видимо, по причине того, что отказываться легче, чем предложить альтернативную и непротиворечивую схему взамен. Пока что ни одному критику марксизма этого сделать не удалось.

Прежде чем показать это утверждение на конкретных примерах, позволим себе коротко напомнить читателям суть марксистской периодизации истории и ее оценочных критериев. В ее основе действительно лежит способ производства, а также соответствующий ему характер производственных отношений. Впервые более или менее четкое формулирование общих закономерностей изменения способов производства К. Маркс предложил в предисловии к работе "К критике политической экономии". "Общий результат, к которому я пришел, — писал он, — может быть коротко сформулирован так. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения — производственные отношения, которые отвечают определенной ступени развития их материальных продуктивных

³ Павленко Ю.В. История... — С. 35.

сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, над которым возвышается юридическая и политическая надстройка и которому отвечают определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще" ⁴.

Внимательное прочтение данного текста не дает оснований для модных ныне утверждений о недооценке К. Марксом значимости социокультурной сферы жизни общества. Все он учел и все оценил. Единственное, в чем можно было бы его упрекнуть, так это в так называемом экономическом детерминизме. Но ведь до сих пор никто так и не показал, в чем его ущербность. В системе ценностей всегда есть приоритетные. В жизни общества это, безусловно, экономическое развитие. В пирамиде все конструктивные элементы важны, но стоять она может только на широкой плоскости.

Да, по существу, никакого монистического детерминизма у К. Маркса и не было. У него базисные и надстроечные явления жизни всегда пребывали в гармоничном единстве. "С изменением экономической основы, — утверждал он, — более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке" ⁵.

Вряд ли может быть поставлен под сомнение главный тезис периодизации истории, гласящий, что "ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы... и новые более высокие производственные отношения никогда не появятся раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества" ⁶. Исходя из специфики организации производства на различных стадиях истории К. Маркс выделял и различные способы производства. "В общих чертах, — писал он, — азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации" ⁷.

К аналогичным выводам пришел и Ф. Энгельс, утверждавший, что "все общественные и государственные отношения, все религиозные и правовые системы, все теоретические воззрения, появляющиеся в истории, могут быть поняты только тогда, когда поняты материальные условия жизни каждой соответствующей эпохи и тогда из этих материальных условий

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. — М., 1959. — Т. 13. — С. 6—7.

⁵ Там же. — С. 7.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

выводится все остальное" ⁸. "Материалистическое понимание истории, — утверждал Ф. Энгельс в "Анти-Дюринге", исходит из того положения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, становится основой всякого общественного строя". Причину общественных изменений, утверждал он, необходимо искать "не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истинности и справедливости, а в изменениях способа производства и обмене; их следует искать не в философии, а в экономике" ⁹.

Ф. Энгельсу принадлежит заслуга в исследовании первобытной эпохи и первобытного способа производства. Развивая положения Л. Моргана, изложенные в книге "Древнее общество", Ф. Энгельс разделил первую общественную формацию на три стадии: дикость, варварство и цивилизацию *. Последняя связывалась с эпохой перехода обществ к городским формам жизни и государственной организации. "Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию" ¹⁰.

В этой работе Ф. Энгельс увязал внутреннюю стадиальность первобытного общества с крупными общественными разделениями труда. Первое знаменовало выделение пастушеских племен из остальной массы варваров, второе — отделение ремесла от земледелия, третье — создало класс, который уже не занимался производством, а только обменом продуктов, т. е. купцов ¹¹. Высшая ступень варварства отнесена Ф. Энгельсом к периоду, когда "культурные народы переживают свою героическую эпоху, — эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора". В общественно-политическом смысле она названа эпохой военной демократии, характеризовавшейся выделением военачальников и ведением войны с целью грабежа и наживы ¹².

Как видим, ни о какой жесткости марксистской периодизации истории говорить не приходится. При непредубежденном ее восприятии и, разумеется, абстрагируясь от "истматовского" догматизма, придется признать, что К. Маркс и Ф. Энгельс нигде не утверждали универсальность выделенных ими форма-

⁸ Там же. — С. 491.

⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Твори. Вид. 2-е. — Т. 20. — С. 268.

* Кажется, первым такое членение предложил еще А. Фергюсон.

¹⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М., 1948. — С. 28—34, 185.

¹¹ Там же. — С. 180, 184, 186.

¹² Там же. — С. 185.

ций или стадий для всех народов мира. Наоборот, назвав способы производства "античным", "азиатским" и "германским", К. Маркс, несомненно, учитывал их региональную и временную специфику. И вряд ли оправдано предъявлять ему счет, как это делают современные исследователи, что, к примеру, "рабский труд в огромном большинстве регионов никогда не играл сколько-нибудь существенной роли в экономической жизни"¹³. К этому "большинству", как известно, принадлежали восточные славяне и Киевская Русь. И классики не повинны в том, что многие отечественные историки длительное время мучились проблемой поиска рабовладельческой стадии развития в славяно-русском обществе.

Здесь речь идет именно о стадии, а не о рабовладельческом укладе, который, конечно же, долгое время имел место в социально-экономическом развитии Киевской Руси, как и во всей средневековой Европе. А.Я. Гуревич, исследуя проблему феодализма на материалах Скандинавии, пришел к выводу, что рабство, как первая, наиболее примитивная форма зависимости, играло важную роль в процессе подготовки феодализма¹⁴.

Справедливости ради следует отметить, что уже в советской историографии предпринимались попытки определенной модернизации формационной периодизации. И.М. Дьяконов предложил разделить древнюю эпоху на три этапа: ранний, время расцвета древних обществ и время их упадка¹⁵. В исследованиях В.Ф. Генинга древняя историческая эпоха также разделена на три стадии: кровнородственной семьи, родового и племенного строя. При этом главной отличительной особенностью каждой стадии исследователь считал свой особый способ производства. Для первой — это были присваивающие формы хозяйства, для второй — специализированные присваивающие и воспроизводящие, для третьей — комплексные воспроизводящие¹⁶.

Предложенные "новации" не могут вызывать каких бы то ни было возражений, хотя по сути мало что прибавляют к марксистской характеристике первобытнообщинной формации. Как было показано выше, Ф. Энгельс тоже подразделял ее на три стадии, а К. Маркс предполагал наличие в ней эволюцион-

¹³ Павленко Ю.В. История... — С. 33.

¹⁴ Гуревич А.Я. Норвежские бонды в XI—XII вв. // Средние века. — М., 1963. Вып. 24. — С. 28.

¹⁵ История древнего мира. Ответственный редактор И.М. Дьяконов. — М., 1989. Кн. 1. Ранняя древность. Кн. 2. Расцвет древних обществ. Кн. 3. Упадок древних обществ.

¹⁶ Генинг В.Ф. Три ступені розвитку продуктивних сил первіснообщинної суспільної організації // Археологія. — 1989. — № 3. — С. 6—7.

ных различий. "Не все первобытные общины, — отмечал он, — построены по одному и тому же образцу. Наоборот, они представляют собой ряд социальных "формаций", которые отличаются одна от другой и по типу, и по давности своего существования и обозначают фазы последовательной эволюции" ¹⁷.

По существу, названные исследователи лишь подтвердили на конкретно-историческом материале теоретические предположения К. Маркса и Ф. Энгельса, что местные особенности развития производительных сил в тех или иных конкретных условиях приводили к особым путям развития производственных отношений и порождали особые типы обществ. В "Капитале" К. Маркс специально оговорил это: "Один и тот же экономический базис, один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств" ¹⁸.

Не больше, чем первым двум, посчастливилось и "феодальной" формации. Особо критически отнесся к ней В.П. Илюшечкин, заявивший что понятие "феодализм" не может обозначать общественную формацию, поскольку, якобы, не является отражением особого типа производительных сил. Для других исследователей аргументом против признания феодальной формации служит тот факт, что ее признаки обнаруживаются в обществах различных регионов мира и разных хронологических периодов. Как утверждает Ю. Павленко, все признаки западноевропейского феодализма, как их определил А.Я. Гуревич, обнаружены в древнем Китае, а также в Древнем Египте середины III тыс. до н. э. ¹⁹

Приведенные аргументы только на первый взгляд кажутся убедительными. В действительности, не выдерживают критического анализа. Формационное определение "феодализм" обозначает, скорее всего, не столько систему государственно-правовых отношений, хотя и этого признака было бы достаточно для определения формы общественного строя, сколько систему организации производства, в конечном итоге — тот же способ производства. Что касается признаков феодализма, якобы имевшихся в глубокой древности, о чем говорилось выше, то, даже если это и так, чего никто толком не показал, это

¹⁷ Маркс К. Начерк відповіді на лист В.І. Засулич. Третій начерк // Маркс К., Энгельс Ф. Твори. — Т. 19. — С. 402.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. — Т. 25. — Ч. 2. — С. 354.

¹⁹ Павленко Ю.В. История... — С. 34.

не является основанием для отрицания феодализма для средневековой Европы. Не станем же мы отрицать капиталистическую формацию только на том основании, что в Северной Америке XVIII в. или в Германии во время Второй мировой войны использовался рабский труд.

Одним из результатов критического пересмотра марксистской периодизации стало утверждение особой исторической стадии, обозначенной понятием "вождества", или "чифдома" ²⁰. С каким упоением исследователи утверждали эту "новую" идею, которая преподносилась ими как что-то объективно существовавшее, этапное, но мимо чего прошли, не заметив, классики марксизма. На поверку же, оказывается, что и не прошли, а главное, не только заметили, но и дали объяснение этому стадийному явлению. Ф. Энгельс назвал его "военной демократией", характеризовавшей финальный этап родового строя или высшей ступени варварства. Во главе такого общества находился военачальник — *rex, basileus, thiudans*, а также развившиеся из родового строя совет и народное собрание. "Военный вождь, — замечал Ф. Энгельс, — приобретший славу, собирал вокруг себя отряд жаждавших добычи, молодых людей... Вождь содержал их и награждал, устанавливал известную иерархию между ними" ²¹. Содержанием этой стадии были "грабительские войны", усиливавшие "власть верховного военачальника, равно как и подчиненных начальников". Их, согласно обычаю, избирали "из одних и тех же семейств", что со временем положило начало "наследственной королевской власти и наследственной знати" ²².

В качестве альтернативы марксистскому пониманию происхождения социального неравенства, являвшегося якобы результатом исключительно частнособственнических отношений, в 70—80-е годы XX в. была предложена концепция "феномена власти-собственности". Причем путь становления эксплуататорского общества через сосредоточение знатью в своих руках ключевых общественно-политических должностей объявлялся основным, характерным для всего мирового сообщества. Наиболее четко эта концепция сформулирована в работах Л.С. Васильева и А.М. Хазанова ²³. Активным последователем такого взгляда на исторический процесс в наши дни

²⁰ Васильев Л.С. Становление политической организации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству — чифдом) // Народы Азии и Африки. — 1980. — № 1. — С. 182.

²¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи... — С. 163.

²² Там же. — С. 185.

²³ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. — М., 1983; Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. — М., 1975.

является Ю.В. Павленко. "Сегодня можно считать твердо установленным, — пишет он, — что не появление частной собственности на средства производства влекло за собой рождение эксплуатации и социального неравенства, а наоборот, усложнение общественной организации... вело к делению людей на две основные группы: управляющих и управляемых". За этим утверждением следует вывод, что "общественное разделение труда ведет к социальному расслоению, эксплуатации и имущественному неравенству" ²⁴.

Последняя фраза вполне созвучна с выводом Ф. Энгельса о трех крупных разделениях труда. "Различие между богатыми и бедными, — утверждал он, — выступает наряду с различием между свободными и рабочими, с новым разделением труда — новое разделение общества на классы" ²⁵. Да и вывод о "власти-собственности" не является чем-то абсолютно новым, чего не знали классики. Разве не то же самое утверждал Ф. Энгельс, когда говорил о власти военачальников над членами общества или превращении органов племен "из орудий народной воли... в самостоятельные органы господства и угнетения" ²⁶. По существу, и частнособственнические отношения, согласно ему, складывались при участии этой самой "власти-собственности". "Первым делом франкского короля... было превратить это народное достояние в королевское имущество, украсть его у народа и раздать в виде подарков или в виде пожалований своей дружине... сначала всем... дарились участки народной земли, позднее они отдавались в пользование в форме бенефициев" ²⁷. Более четко эта мысль выражена в "Анти-Дюринге". Со временем, утверждал Ф. Энгельс, наделенные властью и выполняющие общественно необходимые организационно-регулятивные функции "отдельные господствующие лица сплотились в господствующий класс" ²⁸.

Аналогичные мысли мы обнаруживаем в переписке К. Маркса и Ф. Энгельса 1853 года. В письме Ф. Энгельсу К. Маркс со ссылкой на Франсуа Бернье заметил, что "в основе всех явлений на Востоке лежит отсутствие частной собственности на землю" ²⁹. Ф. Энгельс соглашается с выводом К. Маркса и в ответном письме предлагает свое понимание того, "почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю, даже и к феодальной собственности". Главными причинами

²⁴ Павленко Ю.В. История... — С. 38.

²⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи... — С. 184.

²⁶ Там же. — С. 185.

²⁷ Там же. — С. 172—173.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. — Т. 20. — С. 184.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. — Т. 28. — С. 235.

этому он считал климат и характер почвы, а также великую полосу пустынь, которая тянется от Сахары через Аравию, Персию и Татарию (Центральная Азия и Туркестан, — П.Т.) вплоть до... азиатского плоскогорья. Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства ³⁰.

Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс не только не отрицали особой роли власти в становлении частной собственности, но всячески подчеркивали это. Вместе с тем, они постоянно отмечали и, думается совершенно справедливо, что управление (т.е. власть) являлось "особой функцией, возникающей из самой природы общественного процесса труда" ³¹.

В предисловии к первому изданию работы "Происхождение семьи, частной собственности и государства" Ф. Энгельс заметил, что Л. Морган "в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад... и пришел... в главных пунктах к тем же результатам". Его, о чем уже шла речь в предисловии, тревожило замалчивание труда Л. Моргана "Древнее общество", притом, что многие представители "доисторической" науки в Англии ею усердно пользовались, как раньше это делали немецкие экономисты с "Капиталом" К. Маркса ³².

Что-то похожее происходит с марксизмом и в нынешнее время. Сперва на его эволюционную схему периодизации истории навешивается ярлык архаичности и утверждается, что она негодна к использованию, затем предлагаются новации, которые на проверку почти все оказываются ничем иным, как "вновь открытыми", хотя и выраженными иными словами и терминами, положениями того же самого марксизма. "Открытие" феномена "власти-собственности" — это не что иное, как выраженная в иных терминах мысль Ф. Энгельса, полагавшего, что по мере усложнения производственного процесса появляется необходимость в создании новых органов власти и управления, из которых, собственно, и формировался господствующий класс ³³.

Практически никому из критиков марксистского эволюционизма периода до крушения социалистической системы так и не удалось достичь качественного прорыва в его преодолении. Это можно было бы объяснить трудностями выражения новых

³⁰ Там же. — С. 221.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. — Т. 23. — С. 343.

³² Там же. — С. 10.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. — Т. 20. — С. 184.

взглядов в условиях, когда марксизм являлся фактически канонизированным учением, если бы речь шла только об исследователях Советского Союза или стран социалистического содружества. Но в таком же положении оказались историки и философы остального мира. Справедливости ради следует сказать, что не все они отличались категорическим неприятием взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на древнюю историю, но даже те из них, которые решительно их не воспринимали, ничего равноценно-альтернативного им не предложили.

По существу, антитезой формационной стала цивилизационная периодизация истории. Однако признанию ее более совершенной, чем марксистская, мешает целый ряд обстоятельств. Прежде всего то, что возраст цивилизаций, как об этом писал уже А. Дж. Тойнби, равен менее 2 % возраста *Homo Sapiens*. О том, что эпоха цивилизации — лишь небольшая часть исторического пути, пройденного человечеством, утверждал в свое время Л. Морган. Если же принимать во внимание весь период жизни человечества как биосоциального вида, то на его цивилизационный отрезок придется вообще ничтожно малое время. Как же, в таком случае, можно класть в основу исторической периодизации признак, который характеризует лишь небольшой отрезок жизни человечества?

Затрудняет восприятие цивилизаций как определенных стадий жизни общества и тот факт, что многие из них "не помещаются" в рамки одной эпохи. Примерами этому могут быть западнохристианская, восточноправославная, мусульманская, китайская цивилизации, начало которых находится в античности и раннем средневековье, а жизнь продолжается и по ныне. В значительной степени это справедливо и по отношению к ряду древних цивилизаций.

Не все однозначно и с представлением, что такое цивилизация? В исторической и историософской литературе существует удивительная множественность этого понятия. Это и ступень исторического развития человечества, наступившая после первобытности, и культурно-историческая общность, достигшая высшего уровня своего развития, и этно-культурная общность (славянская, китайская, арабская и др.), и религиозно-исповедальная общность (римо-католическая, византийско-православная, мусульманская, буддистская и др.). Кроме перечисленных, встречаются понятия цивилизаций, основанные на технологических признаках производства: раннеиндустриальная, индустриальная, постиндустриальная. Как видим, исследователи при выделении цивилизаций руководствуются разными признаками. У одних это, выражаясь традиционно, надстроечные явления — духовно-культурные, у других — базисные.

Автору этих строк ближе определение цивилизации, содержащееся в трудах О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского, А.Дж. Тойнби, К.Н. Леонтьева, Н.Н. Моисеева³⁴. Всех их роднит общий или близкий взгляд на цивилизацию как на явление, преимущественно, культурогенеза. О. Шпенглер утверждал, что "цивилизация — неизбежная судьба культуры". Для Н.Я. Данилевского цивилизация равна культурно-историческому типу. Главным цивилизациоформирующим элементом культуры он считал религию. А.Дж. Тойнби полагал, что цивилизация — это достигшая пределов самоидентификации культура и ведущую роль в ее формировании "отдавал" религии. Н.Н. Моисеев дополнял эти представления также "общностью духовных миров", причем придавал этому феномену значение фундамента цивилизационной общности.

Примечательно, что отдавая приоритет культурному развитию человечества, исследователи не могли уйти и от рассмотрения экономических процессов, связанных со становлением цивилизаций. Причем, де-факто, по существу признавали, что определяющим толчком в переходе человечества от первобытности к цивилизации явилось революционизирующее значение становления системы производящего хозяйства.

Фактически ни один исследователь, исповедующий принцип цивилизационной периодизации мирового исторического процесса, не обошел своим вниманием так называемую "неолитическую революцию". Именно она, как утверждал Н.Н. Моисеев, послужила началом всех существующих цивилизаций. После неолитической революции, согласно ему, "началась современная история — история производящей цивилизации, вернее цивилизаций"³⁵. Разумеется, сказанное, скорее, образ нежели научный вывод о начале цивилизаций в эпоху неолита. Первые цивилизации появились только в эпоху металла. Однако, сущность этого явления не столько в том, что оно сделало возможным в будущем появиться цивилизациям, сколько в том, что оно совершило качественный скачок в развитии производительных сил. От присваивающих форм хозяйства общество перешло к производящим. Следовательно, и в этом случае следует говорить не о духовно-культурном приоритете, а об экономическом, другими словами, о том же способе производства.

Все последующие исторические циклы, так или иначе, также связывались с прогрессом в сфере материального произ-

³⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. — М., 1993; Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М., 1991; Тойнби А.Дж. Постыжение истории. — М., 2006; Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. — М., 1993; Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. — М., 1998.

³⁵ Моисеев Н.Н. Судьба цивилизаций... — С. 32—37.

водства. Изобретение бронзовых орудий труда позволило обществам Ближнего Востока, Египта и Индии перейти к ирригационному земледелию, что, в свою очередь, стимулировало добычу и выплавку руд, изготовления оружия. Разумеется, все это стало возможным на основании прибавочного продукта.

Приоритетность экономики в становлении цивилизаций признавал и А.Дж. Тойнби, хотя и не акцентировал на этом особого внимания. Это видно уже на примере его формулы "вызов и ответ". Первый ответ на вызов всегда связан с обеспечением физического выживания общества. Засухи в ряде регионов с теплым климатом, отмечал исследователь, вызвали к жизни ирригационное земледелие. Это стало основой жизнеспособности обществ, все остальное, в том числе и культура, было производным. Главной особенностью цивилизаций, согласно А.Дж. Тойнби, является способность последовательного освоения жизненной среды и развития духовного начала во всех видах человеческой деятельности.

Говоря о современном ему западном мире, он отмечал, что его "жизнь определяют два института: индустриальная система экономики и столь же сложная и запутанная политическая система" ³⁶. Вполне конкретен А.Дж. Тойнби и в понимании важности для человечества разделения труда как необходимого условия существования институтов. "В промышленности человечество признало разделение труда, как цену того благополучия, которое оно приносит" ³⁷.

В ряде мест своего исследования А.Дж. Тойнби затронул и проблему феодализма. В отличие от современных его последователей и толкователей, он не только не отверг ее, но, наоборот, признал ее реальность. "Что касается феодальной системы, — подчеркивал он, — то П. Виноградов блестяще доказал, что ростки ее взошли на английской почве еще до норманского завоевания" ³⁸. Другое дело, что будучи верным им же изобретенному закону "вызов-ответ", он объяснил эти ростки феодализма не внутренним развитием общества, а внешним фактором — датским вторжением. Норманское завоевание еще больше ускорило становление феодальной системы в Англии, которая была характерна и для остальных стран Западной Европы. Отмечая, что феодализм существовал в Византии и в мусульманском мире приблизительно в то же время, он, тем не менее, не склонен был объяснять его появление там теми же причинами, что и в Западной Европе. "Установление феодальной системы в том виде, в каком она появилась в Англии, — пи-

³⁶ Тойнби А.Дж. Постигание истории. — С. 18.

³⁷ Там же. — С. 22, 99.

³⁸ Там же. — С. 27.

сал ученый, — является результатом специфически западноевропейского развития. Верно, что феодализм существовал в Византии и в мусульманском мире приблизительно в то же время, но не доказано, что он возник там по тем же причинам, что и в Западной Европе" ³⁹.

Наверное, в каждом регионе и каждой стране были свои особенности феодальной системы, как и причины их породившие, однако во всех случаях, будь-то Западная Европа, Византия, Египет, Турция, Индостан, Япония или Киевская Русь речь идет о сходной социально-экономической формации.

Главным в исследовании А.Дж. Тойнби, в данном случае, является не оговорка, а признание приоритетности экономического фактора в истории человечества.

Однако, в отличие от основоположников марксизма, его не только не обвиняют в экономическом детерминизме, но рассматривают как мыслителя, предложившего совершенно новую концепцию периодизации истории, альтернативную марксистской.

Удивительно, но о преимуществе цивилизационного членения мировой истории над формационным, говорят даже те исследователи, которые видят в цивилизациях, прежде всего, общества, отличающиеся одно от другого на разных стадиях основной производства. Поэтому и названия им даются соответствующие: "доиндустриальные", "раннеиндустриальные", "индустриальные" и т.д. Но это же и есть марксизм в чистом виде. В основе их выделения лежит способ производства, другими словами все тот же экономический детерминизм в развитии общества ⁴⁰. Нередко один и тот же исследователь пользуется различными определениями цивилизаций. В одном случае они напоминают марксистские формации (раннеклассовая, античная), в другом — хронологические этапы (древняя, средневековая), в третьем — экономические общества (доиндустриальная, раннеиндустриальная, индустриальная), в четвертом — археологические периоды, например, неолитическая ⁴¹.

Природа такого терминологического разноречия в общем понятна. Исследователи, пытаясь предложить новую, отличную от марксистской, периодизационную схему истории, в ос-

³⁹ Там же. — С. 35.

⁴⁰ Яковец Ю.В. У истоков новой цивилизации. — М., 1993.

⁴¹ Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации. Теория, история, диалог, будущее. — М., 2006. — Т. 1. Кажется, первым ввел в науку термин "индустриальная цивилизация" Ф. Бродель. (См.: Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. — М., 2003). — Т. 1—2. Назвать его удачным никак нельзя, особенно если учесть, что страны с примерно одинаковым уровнем индустриального развития могут относиться к совершенно разным цивилизациям.

нову которой был бы положен цивилизационный принцип, не могут вырваться за пределы материалистического понимания исторического процесса. Цивилизационная периодизация по определению не может быть альтернативной формационной. Исследуя ту или иную цивилизацию, будь-то шумеро-аккадская, вавилонская или византийская, исследователь не сможет понять ее, не ответив на вопрос, на каком уровне социально-экономического развития находилось общество, создавшее эту цивилизацию.

В недавно вышедшей двухтомной работе, посвященной цивилизационной периодизации истории, ее авторы Б.Н. Кузык и Ю.В. Яковец "скромно" заявили, что ею они заменяют формационное членение, предложенное в свое время К. Марксом. Недостатком последнего, по их мнению, является преувеличение роли производственных отношений и недооценка роли социокультурной сферы в развитии человечества⁴². Казалось, после такого заявления названные авторы в определении цивилизации целиком сосредоточатся на их духовном мире, однако в действительности отвели ему в пирамиде цивилизационных составляющих лишь один "этаж", причем, верхний, тогда как экономическому и технологическому способам производства — два, к тому же расположили их поближе к основанию⁴³. Не удалось исследователям уйти и от марксистских дефиниций. Говоря об экономике античного общества, они пришли к выводу, что преобладающим укладом в цивилизациях Средиземноморья и Двуречья был рабовладельческий⁴⁴. Характеризуя цивилизации так называемого второго суперцикла, авторы занялись выяснением генезиса феодализма, выделив несколько его типов: византийский, итальянский, французский, скандинаво-русский, мусульманский и восточный⁴⁵.

Еще более марксистский подход к пониманию исторического процесса Б.Н. Кузык и Ю.В. Яковец продемонстрировали в главе, посвященной цивилизационным ритмам. Здесь цивилизации оказались равны историческим периодам и базируются они на общеархеологической периодизации: неолит, энеолит, бронзовый век, железный век. Но ведь эта периодизация целиком основывается на базисных явлениях и очень близка к исторической марксистской. Некоторое ее отличие от последней состоит лишь в том, что определяющим признаком каждого археологического периода является не столько способ производства, сколько средства производства, то есть орудия труда.

⁴² Там же. — С. 26.

⁴³ Там же. — С. 91.

⁴⁴ Там же. — С. 499.

⁴⁵ Там же. — С. 581—584, 617.

Выше мы привели одно из высказываний философа Ю.В. Павленко о необходимости решительного и последовательного отказа от марксистской формационной периодизации. Подобных в его объемной работе много. Ниже мы поговорим насколько справедливы они, здесь же посмотрим, оказался ли сам автор "решительным и последовательным". Это тем более необходимо, поскольку, как справедливо утверждает Ю.В. Павленко, "сколько-нибудь общепризнанной, обоснованной и охватывающей всю историю человечества от антропогенеза до наших дней периодизации пока нет" ⁴⁶.

Из последующих разъяснений автора следует, что он вовсе не склонен считать периодизационную марксистскую схему целиком ущербной. Отдав предпочтение, вслед за А.Дж. Тойнби, "творческому началу" в цивилизационном движении жизни, Ю.В. Павленко затем приходит к выводу, что "в экономическом смысле цивилизация зиждется на возможности получения регулярного прибавочного продукта" ⁴⁷. Но ведь это же и есть тот самый марксизм, от которого исследователь пытается откеститься.

И дальше, излагая свои взгляды на принципы периодизации, он не может освободиться от приоритета экономического начала. Призывая к отказу "от попыток построения периодизации истории в соответствии с каким-либо одним критерием" и акцентируя на необходимости корреляции многих факторов, автор во всех случаях начинает их перечень с экономики. Провозглашенное им "творческое начало" как первопричина всего (у А.Дж. Тойнби — "творческое меньшинство", у Л.Н. Гумилева — "пассионарии") в перечне вообще отсутствует. Если только оно не тождественно понятию "культура", которое во всех случаях занимает последнее место ⁴⁸.

В определении предпосылок и условий формирования первых цивилизаций Ю.В. Павленко вполне артикулированно подтверждает одно из основополагающих положений марксизма. "Традиционное для марксистской историографии положение, — заявляет он, — о том, что решающей предпосылкой выхода на уровень цивилизации является получение достаточного объема прибавочного продукта, отчуждаемого эксплуататорской верхушкой у массы рядовых... сохраняет свое значение и сегодня" ⁴⁹.

Разумеется, сохраняет. Сохраняет не только для периода зарождения цивилизаций, но также и для времени их развития. Может быть даже в большей мере. Набирающая силу ци-

⁴⁶ Павленко Ю.В. История... — С. 11.

⁴⁷ Там же. — С. 35.

⁴⁸ Там же. — С. 44—45, 257.

⁴⁹ Там же. — С. 257.

визализация всегда стремится к экспансии. Она подчиняет себе сопредельные, а иногда и очень дальние страны и их население, прежде всего для того, чтобы получить доступ к дешевым товарам и даровой рабочей силе. Греческая колонизация была обусловлена не только внутренним перенаселением, но также и поиском дополнительных средств существования метрополии. Еще более показательной в этом отношении была военная экспансия Рима, покорившего многие народы и страны. Даже крестовые походы Запада, хотя и были облечены в религиозные формы, в действительности преследовали цель достижения экономического преобладания и уничтожения конкурента, коим была Византийская империя. Завоевание Западной Европой колоний по всему миру также было вызвано отнюдь не желанием осчастливить бедных аборигенов достижениями западноевропейской цивилизации.

По существу, именно так понимал сущность цивилизаций и А.Дж. Тойнби. "Расширение границ, пополнение рабочей силой и ассимиляция соседних народов, — утверждал он, — эти виды деятельности свойственны любой цивилизации" ⁵⁰. И можно ли в таком случае продолжать твердить, что марксизм ошибочно отдавал предпочтение экономическому развитию над культурным? Конечно, нет. Это, скорее, дань новомодной цивилизационной теории.

Теоретически марксизм, как утверждает Ю.В. Павленко, "исчерпал свои эвристические возможности", но когда необходимо практически определиться с движущими силами роста и развития общества (цивилизации в том числе), ни один исследователь не может обойтись без признания справедливости марксистского учения. Даже и в том случае, если не объявляет об этом вслух, или публично декларирует свое несогласие с ним.

Чтобы как-то сбалансировать свою позицию, Ю.В. Павленко уточняет, что успешный выход общества на цивилизационный уровень зависит не только от увеличения производства, но и от "соответствующих социально-политических и культурно-психологических изменений" ⁵¹.

Возразить здесь нечем. Конечно, одной производительности труда недостаточно. Однако если ее совсем нет, если она не создает прибавочного продукта, обо всем остальном говорить вообще не приходится. Бытие ведь определяет сознание, а не наоборот. "Люди, — отмечал Ф. Энгельс, — в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем

⁵⁰ Тойнби А.Дж. Постигание истории. — С. 105.

⁵¹ Павленко Ю.В. История... — С. 11.

быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д." ⁵².

Двойственным оказывается отношение Ю.В. Павленко и к марксистским определениям формаций, как рабовладельческой и феодальной. Сомнительность первой заключается в том, что она не являлась всепланетарной стадией, а была характерна лишь для античности. Вторая якобы вообще выделена не по признаку развития производительных сил и не отвечает марксистскому же теоретическому принципу выделения формаций ⁵³.

Эти замечания не справедливы. К. Маркс и Ф. Энгельс нигде не утверждали универсальность выделенных ими формаций для всех регионов мира. Наоборот, назвав один из способов производства "античным" (рабовладельческим по более поздней терминологии), они, несомненно, исходили из того, что наиболее выразительно он фиксируется для Греции и Рима. Перед "античным", как известно, К. Маркс расположил "азиатский" способ производства, и хотя в более поздних работах ни он, ни Ф. Энгельс больше не упоминали о нем, есть основания считать, что его выделение было обусловлено определенной спецификой развития производственных отношений в древневосточном обществе. Важно не то, что рабовладение не являлось всеобщей стадией мировой истории, а то, что оно было, и через него прошла значительная часть общества.

Что касается феодализма, то Ю.В. Павленко (со ссылкой на В.П. Илющечкина) не считает его явлением социально-экономического развития. Это скорее политико-правовая надстройка, сродни "централизованному государству" ⁵⁴. Это совершенно неправильно. Ничего менее всего соответствующего понятию "централизованное государство", чем феодализм, и придумать нельзя. Но главное, что эта формация выделена не столько по признаку формы эксплуатации, сколько по признаку организации производства, то есть того самого "способа", от которого исследователи пытаются абстрагироваться.

Однако пикантность ситуации заключается не в том, что Ю.В. Павленко высказал сомнения по поводу корректности выделения рабовладельческой и феодальной формаций, а в том, что, несмотря на это, он спокойно пользуется этой периодизацией. Правда, называет рабовладение и феодализм "экономическими укладами". В античном рабовладении он выделяет три

⁵² Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 19. — С. 350.

⁵³ Там же. — С. 34—35.

⁵⁴ Там же. — С. 35.

этапа, которые характеризуют развитие Греции и Рима ⁵⁵. "Черты будущего феодализма" автор обнаруживает уже в финальной стадии истории Римской империи IV—V вв., которые затем развились благодаря германскому завоеванию кельтских областей. Его вывод, о том что феодальные отношения средневековой Европы возникли в результате синтеза общественных отношений западных провинций поздней Римской империи и военного строя германцев-федератов, мало чем отличается от выделенного К. Марксом "германского" способа производства ⁵⁶.

Что же предлагает Ю.В. Павленко взамен марксистской формационной периодизации? На первый взгляд, достаточно простую схему членения истории. В ней всего два периода: присваивающее общество и производящее общество. Первое относится к ранней первобытности, второе — к поздней первобытности и времени цивилизаций ⁵⁷. До сих пор схема действительно простая, но и узнаваемая. По существу, она очень близка к моргановско-энгельсовской периодизации, которая имела, правда, не две, а три ступени: дикость, варварство и цивилизация ⁵⁸.

Осознавая, что производящая экономика на разных исторических этапах разная, Ю.В. Павленко делит второй период на три ступени, из которых две относятся к древности: ступень становления основ цивилизации и ступень развития и интеграции отдельных цивилизаций. В сумме получились те же три ступени, что и у Л. Моргана — Ф. Энгельса. Но на этом автор не остановился. Ступени он, в свою очередь, поделил на стадии, по две на каждую. Для первой — это стадия родового и стадия племенного строя, для второй — стадия ранних, или локальных, цивилизаций и стадия зрелых традиционных цивилизаций и цивилизационных ойкумен. При этом, в каждой стадии он выделил некие "узловые" точки, характеризующие основные формы социально-политического развития обществ ⁵⁹.

В итоге предложенная схема оказалась слишком сложной, методологически противоречивой, а главное, не вытекающей логически из приоритета "творческого начала", о чем автор заявил раньше.

Два крупные периоды выделены, по сути, по признаку социально-экономического развития, ступени — цивилизационно-

⁵⁵ Там же. — С. 348—349.

⁵⁶ Там же. — С. 74, 349—350.

⁵⁷ Там же. — С. 53.

⁵⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи... — С. 28—34, 178—201.

⁵⁹ Павленко Ю.В. История... — С. 53.

го, а стадии — общественно-политического. Как говорят, периодизация на любой вкус. Выражаясь образно, в ней согласнo переплелись марксизм и тойнбианство.

Из сказанного выше видно, что цивилизационная периодизация истории по Ю.В. Павленко никак не может претендовать на статус альтернативной. И не только потому, что охватывает лишь небольшой отрезок истории человечества*, но и потому, что не имеет четкого периодизационного критерия. Невозможно понять сущность той или иной цивилизации, не ответив на вопрос, на какой стадии экономического развития находилось общество, породившее ее. Видимо, именно это обстоятельство вынуждало исследователей делить цивилизации на доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные. Но и эти дополнительные критериальные оценки мало что дают для постижения экономической сущности цивилизаций. Во-первых, потому, что одна и та же цивилизация может существовать на протяжении всех названных периодов, а, во-вторых, определение "доиндустриальная" или "индустриальная" не избавляет исследователей от необходимости ответить на вопрос, какое экономическое содержание вкладывается в эти понятия. Их ответы неизбежно оказываются или близки к положениям марксизма, или тождественны им.

Ю.В. Павленко предлагает рассматривать "эпоху традиционных цивилизаций" в пределах рубежа IV—III тыс. до н.э. — середины II тыс. н.э. в качестве отдельной крупной стадии в развитии человечества⁶⁰. В духовно-культурном отношении, это, наверное, возможно, но в общественно-историческом такая стадия просто немыслима. "Традиционные" (!?) цивилизации в пределах 5 тысяч лет представляют собой совершенно разные социально-экономические и общественно-политические образования. Шумеро-аккадская или египетская цивилизации не были тождественны античной и совсем не походили на византийскую или европейскую средневековую. В первом случае цивилизация равна относительно небольшому государству, во втором — мировым империям, в третьем — совокупности государств. В течение 5 тысяч лет сменилось несколько археологических эпох, равно как общественно-исторических. Как же можно их объединить в одну стадию человеческой истории?

Если говорить об универсальной всеобщности, то цивилизации окажутся не в лучшем положении, чем формации. В то

* Ю.В. Павленко включает в понятие "цивилизационный процесс" не только так называемые традиционные цивилизации, существовавшие в течение 5 тысяч лет, но и время формирования древнейших цивилизационных систем, занявшее приблизительно такой же отрезок времени.

⁶⁰ Павленко Ю.В. История... — С. 36.

время как образовалась шумерская цивилизация, остальной мир пребывал еще в первобытности, а многие народы не достигли этого порога и к середине II тыс. н. э., когда, согласно Ю.В. Павленко, стадия "традиционных цивилизаций" завершилась.

Если строго исходить из узкого понятия "цивилизации" как высшего этапа развития культуры общества и не вкладывать в него социально-экономического и государственно-политического содержания, тогда придется признать, что эта категория в принципе не может обладать периодизационным признаком выделения общественных формаций. Определения "христианская", "мусульманская" или "индуистская" цивилизации ничего не говорят не только об уровне развития обществ и их общественном строе, но и о времени существования. Ассоциативно они всегда будут связываться с феноменами их духовно-религиозного развития. Оно же на протяжении полутора или двух тысяч лет остается, практически, неизменным. Нельзя сказать "в эпоху ислама" или "в эпоху христианства", можно сказать "исламский мир" или "христианский мир". В то время как определения "рабовладение" или "феодализм", указывают не только на качественное состояние общества, но и на временное. По крайней мере, для определенного региона.

Весь предыдущий историографический опыт, в том числе и приведенный выше, убеждает, что практически все исследователи в понятие "цивилизация" вкладывают расширенное содержание. По сути, равное тому, которое марксистская теория отводит общественно-экономической формации. "Взгляд на цивилизационный процесс с двух точек зрения, — заявляет Ю.В. Павленко, — путей социально-экономического развития и основных, наиболее общих типов решения религиозно-мировоззренческих — открывает новые перспективы постижения специфики конкретных социокультурных систем ⁶¹. Но ведь точно таким взглядом — "с двух точек" — характеризуется и марксистская эволюционная периодизационная схема.

Даже в "истматовской" ее трактовке оставалось место для изучения не только социально-экономических, но и духовно-культурных явлений в жизни конкретных обществ. Неправда, что главное внимание к базисной основе исторического процесса отрицательно сказывалось на исследовании надстроечных явлений, в частности, культуры. Если иметь в виду археологию и древнюю историю, то здесь все было как раз наоборот. Главными всегда оставались вопросы культуро- и этногенеза. В пределах больших археологических периодов

⁶¹ Павленко Ю.В. История... — С. 87.

(палеолит, мезолит, неолит, бронзовый и железный века) выделялись меньшие хронологические этапы исключительно на основании культурных характеристик артефактов. Аналогичным было археологическое членение и по горизонтали. Одно локальное явление от другого всегда отличалось суммой признаков в сфере культуры. Не случайно среди археологического понятийного аппарата главным является "археологическая культура", например: трипольская, комаровская, чернолеская, черняховская и др. Только после выделения такой культуры или культурно-исторической общности археологи принимались за выяснение уровня социально-экономического развития их создателей. И чаще всего именно в этой области исторического исследования они чувствовали себя наименее уверенно.

Неучитывание или непонимание определяющего значения социально-экономического начала в жизни древних обществ приводило (и приводит) к совершенно ложному определению их уровня развития. В связи с этим некоторые археологические культуры, в том числе и относящиеся к глубокой неолитической первобытности, "переводятся" в ранг цивилизаций или протоцивилизаций. Так, в уже упоминавшемся исследовании Б.Н. Кузика и Ю.В. Яковца цивилизацией объявлена вся неолитическая эпоха на огромном пространстве северной части евразийского материка. К этому же уровню, судя по всему, авторы вознесли и трипольскую культуру, правда, в составе какой-то второй мировой цивилизации, охватывавшей территорию Северного Кавказа и Причерноморья, а также правобережье современной Украины⁶². Ю.В. Павленко полагает, что трипольская культура находилась на предцивилизационном уровне развития, хотя и не объясняет, чем он характеризуется⁶³.

Еще большей терминологической изобретательностью отличается М.Ю. Видейко — известный специалист по трипольской культуре. Казалось, кому как не человеку, профессионально занимающемуся данной проблемой, следовало бы придерживаться строгих академических оценок и суждений. А нет. Ознакомившись с его работами, читатель обнаружит целый спектр определений. Одна из его работ озаглавлена "Трипольская цивилизация". В изложении материала автор свободно варьирует понятиями "культура" и "цивилизация" как однопорядковыми. Прибегнув к оговорке, что было бы легковесно утверждать, что трипольцы на два тысячелетия опередили ми-

⁶² Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации. — С. 676, 678.

⁶³ Павленко Ю.В. История... — С. 221.

ровой цивилизационный процесс, он заявляет, что только в высшей точке своего развития (вторая половина V—IV тыс. до н. э.) культурный феномен Триполья демонстрирует "проявления цивилизации". Резюмируя, вновь говорит о трипольской цивилизации. Изданная при авторском и редакторском участии М.Ю. Видейко, энциклопедия также озаглавлена как "Энциклопедия трипольской цивилизации" ⁶⁴.

О скифской цивилизации говорит известный российский археолог В.И. Гуляев, если только для него это понятие не является тождественным культуре ⁶⁵. Б.Н. Кузык и Ю.В. Яковец называют Скифию в одном случае протоцивилизацией, а в другом — греко-скифской цивилизацией ⁶⁶. Ю.В. Павленко определяет ее мудренным термином "квазицивилизация" ⁶⁷.

Черняховская культура II—V вв. н. э. рассматривается иногда как этап "становления основ цивилизации", а иногда как "восточнославянская цивилизация".

Если бы речь шла только о культурных феноменах, наверное, их можно было бы называть и цивилизациями *. Но за этим понятием в современной историографии прочно закрепилось значительно более широкое содержание. Это историческая стадия развития человечества, характеризующаяся выходом его на уровень городского и государственного развития. По существу, и происхождением названия цивилизация обязана городу-государству (*civitas*). В данном случае город выступает как репрезентант высших достижений общества не только в социально-экономической, но и духовно-культурной жизни. В нем получает развитие архитектура, письменность, политико-правовые и церковно-религиозные институты.

Но ведь ничего этого на территории будущей Украины не было до образования Киевской Руси. Только с нее начинается цивилизационное развитие в восточноевропейском регионе. И какие бы дополнительные понятия не вводили исследователи — "предцивилизация", "протоцивилизация", "квазицивилизация" или "основа цивилизации" — до формирования в этом регионе киеворусской городской и государственной культуры говорить о цивилизации не приходится.

⁶⁴ Видейко М.Ю. Трипільська цивілізація. — К., 2003; Энциклопедия трипольской цивилизации. — К., 2004.

⁶⁵ Гуляев В.И. Скифы. Расцвет и падение скифского царства. — СПб., 2005. — С. 280.

⁶⁶ Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации. — С. 682.

⁶⁷ Павленко Ю.В. История... — С. 316.

* По существу, именно так понимал "цивилизацию" А.Н. Гумилев, заметивший, что у нас ее называют "культура". — (См.: Гумилев А.Н. Древняя Русь и Великая Степь. — М., 1992. — С. 321).

Из всего сказанного выше совершенно определенно следует, что качественного прорыва в создании новой периодизации мировой истории не произошло. По сути, можно говорить лишь о попытках обновления марксистской формационной схемы за счет отказа от так называемого экономического детерминизма в пользу культурного. Но и здесь нового не так уж и много. Во-первых, марксизм никогда не преуменьшал роли культуры в развитии обществ, а во-вторых, не только признавал, но и выделял, вслед за А.Г. Морганом, цивилизационную стадию в истории человечества.

Стадия эта имеет небольшую хронологическую протяженность и уже поэтому не может заменить собой всю историю человечества. Совершенно очевидно, что цивилизационное членение приемлемо лишь в пределах этой небольшой стадии. Оно не может распространяться на предшествующее ей время, когда человечество находилось в состоянии первобытности. Несмотря на новомодное увлечение, цивилизационную периодизационную схему можно рассматривать не более как вспомогательную по отношению к формационной. Такой себе, периодизацией второго ряда. Что-то вроде культур, на которые подразделяются большие археологические эпохи: палеолит, неолит, бронзовый и железный века. Попытки определить историческую сущность археологических культур, как и позднейших цивилизаций, неизбежно уводят исследователей в область социально-экономических и общественно-политических реконструкций, то есть к тому самому марксистскому формационному учению, от которого они якобы и пытаются отмежеваться.

**Эволюционная
поступательность
или прерывность
исторического
развития?**

В последнее время наряду с формационной периодизацией подвергается испытанию также марксистское положение о прогрессивной последовательности исторического развития. Точнее, не столько собственно марксистское, сколько его приложение в исследованиях историков и археологов советского периода, доводивших вполне правильный вывод, вытекающий из всей эволюции человечества, до абсурда. Нередко исследователи обосновывали прогрессивность даже тех исторических явлений, которые, несмотря на то, что были более поздними, не только не равнялись предшествующим, но даже и уступали им.

Археологи-слависты старшего поколения помнят определенную растерянность исследователей славянских культур третьей четверти I тыс. н. э. По всем материальным признакам они уступали уровню черняховской культуры, бытовавшей практически на тех же землях во второй четверти того же тысячелетия. Тем временем абсолютизация эволюционной поступательности не оставляла исследователям выбора, и они вынуждены были искать аргументы в пользу превосходства культур третьей четверти. В худшем случае предлагали палиатив, сводящийся к тому, что, хотя черняховские славяне в ряде культурных проявлений и превосходили своих более поздних соплеменников, в целом последние все же находились на более высокой ступени социально-политического развития.

Новый этап теоретического осмысления поступательности истории связан с преодолением концепции жесткой ее закономерности. Исследователи, усомнившиеся в правильности марксистской теории, дружно заговорили о

том, что, помимо закономерностей, в истории было и много случайностей. А.Н. Гумилев, сетуя на консерватизм мышления историков, исповедующих закон закономерного развития, замечал: "Среди историков бытует убеждение, что все, что произошло, не могло не произойти... Это мнение нигде не доказано, по сути дела предвзято, а поэтому и необязательно" ⁶⁸. Свой тезис исследователь иллюстрирует судьбой гуннов. Последние, по его мнению, могли выиграть битву с гепидами при Недао в 453 г. или разгромить сарагуров (болгар) в 463 г. и тогда бы в Восточной Европе уже в V в. создалось сильное гуннское государство ⁶⁹.

В подобных рассуждениях, даже если и согласиться с тем, что поражение гуннов действительно стало следствием трагического совпадения многих случайностей, отсутствует исторический подход. Проблема ведь не в том, что могло быть по-другому, а в том, что не было по-другому. Все уже произошло и задача историка состоит не в том, чтобы гадать об альтернативном виртуальном развитии событий или подвергать сомнению их закономерность, а в том, чтобы проанализировать и понять реальные.

То, что А.Н. Гумилев именовал "зигзагами истории", его европейские предшественники называли архаизмами. Их можно именовать еще и обратными ритмами истории. В чем они заключаются?

А.Дж. Тойнби, видимо, в противовес выводу Льюиса Г. Моргана, утверждавшего, что "история человеческой расы имеет единое начало, едина в своем опыте и своем прогрессе", высказал мысль совершенно противоположную. Концепцию о "единстве истории" он назвал ложной, основанной на неправильной посылке-представлении о прямолинейности развития ⁷⁰. Согласно ему, исторический процесс характеризовался очень часто явлениями регресса, возврата или попытками возврата обществ к старым формам жизни, возрождению древних традиций. Это заставляло людей "идти вспять, сквозь пороги и водопады, в надежде отыскать тихую заводь" ⁷¹. Пытаясь возродить архаизмы в культуре, языке, общество обрекало себя на несчастье, когда пыталось возвысить свою культуру, считавшуюся ранее местной ⁷².

Однако А.Дж. Тойнби не последователен в своем отрицании жесткого эволюционного процесса. Для цивилизаций он

⁶⁸ Гумилев А.Н. Древняя Русь... — С. 9.

⁶⁹ Там же. — С. 25.

⁷⁰ Тойнби А.Дж. Постигание истории. — С. 91.

⁷¹ Там же. — С. 428.

⁷² Там же. — С. 433.

делал исключение, полагая, что они не статические формации, а динамические образования эволюционного типа. "Они не только не могут пребывать в состоянии покоя, но не могут и произвольно менять направление" ⁷³.

Примеров архаизации действительно история знает немало. В отечественной им может служить, в частности, начальный период княжения Владимира Святославича. Как известно, он характеризовался возвратом Руси к старым языческим порядкам. В Киеве и других городах были воздвигнуты языческие алтари, вновь запылали жертвенные костры, на передний план выдвинулось жреческое сословие. К счастью, период языческой реакции длился недолго (всего 8 лет). Но его определенно нельзя отнести к достижениям княжения Владимира. В лучшем случае это были потерянные годы в поступательном развитии Руси. Дело в том, что из всех архаизмов наиболее реакционным является как раз религиозный. Он вызывает изобилие много таких явлений, которые не согласуются с последующим течением жизни, что порождает не только церковные, но и общественные конфликты.

Это, так сказать, внутренний зигзаг, или обратный исторический ритм, замедляющий течение жизни или поворачивающий его на время вспять. Но в истории народов значительно больше было зигзагов, обусловленных внешними причинами: природными катаклизмами, войнами, изменением магистральных торговых путей, исчезновением благоприятных культурных импульсов от соседей и др.

Если взять тот же пример восточнославянских культур третьей четверти I тыс. н. э., которые были более архаичны по сравнению с предшествовавшей им черняховской, то мы определенно можем сказать, что главной причиной этому было разрушение готами Римской империи. Если раньше черняховцы пребывали в зоне притяжения высокой, пусть и провинциальной римской культуры, были вовлечены в торгово-экономические связи с римским миром (знали даже монетное обращение), то их наследники ничего этого не имели. Исчезновение культурных импульсов более высокой культуры, а также разрушение рыночных отношений неизбежно привело к архаизации всех форм жизни восточных славян. Новое возрождение их культуры будет связано уже с византийским периодом истории, когда Русь, приняв христианство, войдет в византийское православное содружество народов.

Видимо, нельзя исключать и фактор, выражаясь терминологией А.Н. Гумилева, естественного старения этно-социаль-

⁷³ Там же. — С. 93.

ных образований, приводивший к стагнации их жизни, а часто и упадку. Однако, как правило, падения являлись результатом соединения двух причин — внутреннего истощения структуротворческой энергии и внешнего разрушительного толчка. Они лежат в основе гибели практически всех цивилизаций. После каждого такого крушения общество в своем развитии отбрасывалось назад на целые исторические периоды. При этом, практически ничего не приобретали и завоеватели. Это хорошо прослеживается на примере разгрома Римской империи и цивилизации варварами. Последние нисколько не обогородились. Оставались такими же варварами даже и в окружении величественных античных памятников культуры.

Крушение Рима, как впоследствии и Византии, Хазарии, Киевской Руси имели катастрофические последствия для экономики и культуры. Потребовались века, чтобы они восстановились на прежнем уровне. Что-то и вообще терялось безвозвратно. Монументальное каменное зодчество в пределах разгромленных монголо-татарами земель Киевской Руси начало возрождаться через полтора-два века, но храма, подобного Софии Киевской, в эпоху позднего средневековья так и не было построено. Архаизация поразила и ювелирное искусство. Ничего равного изумительным древнерусским эмальям, изделиям, украшенным черневыми рисунками, филиграням на тех же землях не появилось и через несколько столетий. Разгромленная монголами столица Руси, Киев, достигла своего домонгольского уровня развития только к XVIII в. С падением Руси на значительных, причем коренных, ее территориях прервалась традиция собственного государственно-политического развития. Возродилась она только в XVII в. Разумеется, в других формах, но определенно с использованием киево-русского наследия. Не случайно, Богдан Хмельницкий называл Киев "містом нашим столичним", а свою державу — княжеством.

В данном случае речь идет о событиях, которые произошли на глазах истории. Однако у нас нет оснований думать, что в древности, в том числе и глубокой, исторические процессы имели другой характер. Археологи еще не до конца поняли причины, прервавшие поступательное развитие той же трипольской культуры, но то, что они были связаны с какими-то катаклизмами, природными или военными, не вызывает сомнения. Они оборвали развитие культуры, может быть, в наивысшей ее фазе. Разумеется, речь идет не только об утрате искусства керамического производства или домостроительства, но также и традиций земледелия.

По не известным нам причинам общество на новой стадии своего развития совершенно теряло уже обретенные в прош-

лом навыки и умения. Потом не возвращалось к ним в течение длительного времени, иногда тысячелетий. Так как это произошло с великолепной реалистической живописью людей палеолита, какая выявлена во Франции в пещерах Ласко и Шове. Ничего подобного общество не способно было создать вплоть до времен первых цивилизаций.

Приведенные примеры, а их можно и значительно умножить, как будто действительно свидетельствуют против марксистского положения об эволюционной прогрессивности развития. Прямая, неизменно восходящая линия развития не получается. В лучшем случае можно говорить о спиралевидной, а то и волнообразной, отражающей динамику взлетов и падений исторических процессов.

Наверное, при внимательном изучении этих повторяющихся ритмов в конечном итоге окажется, что они тоже подвержены определенным закономерностям, так как система случайностей — это уже закономерность. Однако нас больше должно интересовать не столько само это явление, как будто бы устраняющее мистическую предопределенность всего бытия, сколько то, в какой мере оно отрицает прогрессивную эволюционность.

Прежде чем ответить на этот вопрос, попробуем разобраться в том, как создавалась эта теория. Сегодня за все в ответе К. Маркс и Ф. Энгельс, но ведь и они имели предшественников. Одним из них был замечательный американский этнолог Льюис Г. Морган, написавший совершенно необычную для второй половины XIX в. книгу "Древнее общество"⁷⁴. Ему первому и принадлежит вывод о стадийной прогрессивной последовательности. "Поскольку, несомненно, — утверждал он, — что одни части человеческой семьи находились в состоянии дикости, другие — в состоянии варварства и, наконец, третьи — в состоянии цивилизации, очевидно и то, что эти три различных состояния связаны между собою естественной и необходимой прогрессивной последовательностью"⁷⁵.

К этому выводу Льюис Г. Морган пришел изучая цивилизационный этап развития, но полагал, что такой же закономерностью характеризовались и предшествующие периоды истории человечества. "Прогрессивное развитие, свидетельствуемое историей для периода цивилизации, было в такой же мере свойственно человечеству в каждом из предшествующих периодов"⁷⁶. При этом, исследователь полагал, что оно в одинаковой

⁷⁴ Морган Г. Льюис. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. — Л., 1934.

⁷⁵ Там же. — С. 5.

⁷⁶ Там же. — С. 20.

мере характерно, выражаясь марксистской терминологией, как для базисных явлений — изобретений и открытий, так и для надстроечных — общественных и гражданских учреждений. И те, и другие составляют непрерывный ряд на пути человеческого прогресса, развились из немногих начальных зародышей и были обусловлены извечными человеческими потребностями⁷⁷.

Свою главную исследовательскую задачу Льюис Г. Морган видел в том, чтобы представить некоторые доказательства человеческого прогресса в различных областях его деятельности "в течение последовательных этнических периодов, как это раскрывается в изобретениях и открытиях, а также в развитии идей управления, семьи, собственности"⁷⁸.

Основой всего Льюис Г. Морган считал "средства существования", точнее, их добывание. Этим обуславливался эволюционный прогресс в "изобретениях и открытиях", а также становлении "учреждений" управления. Введенные датскими археологами термины "каменный", "бронзовый" и "железный" века он считал очень полезными для "классификации предметов древнего производства". Видимо, именно эта археологическая периодизация позволила Моргану сделать предположение о том, что "великие эпохи человеческого прогресса более или менее непосредственно совпадали с расширением источников средств существования"⁷⁹.

Внутристадиальная последовательность прогресса не была абсолютной. Достигнув определенного уровня развития, как считал Морган, "наиболее развитая часть человеческой расы... останавливалась на известных ступенях прогресса, пока какое-нибудь великое изобретение или открытие, как, например, приручение животных и плавление железной руды, не давало нового мощного толчка вперед". По существу, в этом высказывании содержится вывод о неравномерности или разноскоростном развитии различных регионов мира. Пока развитые народы пребывали в застое, утверждал Морган, более отстаые племена, непрерывно развиваясь, приближались к тому же уровню⁸⁰.

Льюису Г. Моргану принадлежит также мысль об упадках человеческих обществ, которые имели место во все периоды древности. Это задерживало на время "стремящийся поток человеческого прогресса". Причину таких упадков он видел в разрушении "этнической связи в жизни отдельных племен"⁸¹.

⁷⁷ Там же. — Предисловие.

⁷⁸ Там же. — С. 7.

⁷⁹ Там же. — С. 8, 14.

⁸⁰ Там же. — С. 26.

⁸¹ Там же.

К. Маркс и Ф. Энгельс высоко ценили научные положения исследования Льюиса Г. Моргана и во многих случаях в своих разработках базировались на уже достигнутых им результатах. "Согласно материалистическому пониманию, — писал Ф. Энгельс в работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства", — определяющим моментом в истории является, в конечном счете, производство и воспроизводство непосредственной жизни" ⁸².

Ф. Энгельс вполне разделял и моргановское представление о прогрессивном развитии. Исследуя процессы в Римской империи, он пришел к выводу о том, что в ее финальной стадии рабовладельческая система находилась в глубоком упадке. В последующем участь Рима постигла и его разрушителей. "После смерти Карла Великого, — пишет Ф. Энгельс, — Франкское королевство столь же беспомощно лежало у ног норманнов, как за четыре столетия до этого Римская империя лежала у ног франков" ⁸³. Завоевательные войны всегда являлись причиной упадков и регресса. Особенно, когда завоевателями были менее культурные народы. "Каждый раз, — замечал Ф. Энгельс, — когда завоевателем является менее культурный народ, нарушается, что понятно само собой, ход экономического развития и уничтожается масса производительных сил" ⁸⁴.

Признавая наличие в древности периодов стагнаций и упадка, Ф. Энгельс полагал, что существенную, даже революционную, роль в деле прогресса человечества сыграла эпоха железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. "Прогресс продолжался теперь неудержимо, с меньшими перерывами и быстрее" ⁸⁵. Но даже и для этого времени Ф. Энгельс считал возможным говорить о "перерывах" в прогрессивном развитии.

Интересно, что Ф. Энгельсу не было чуждым и представление о дряхлении общества, достигшего цивилизационного уровня развития. Речь идет, в частности, о римском обществе. Он полагал, что варвары сделали великое дело, поскольку только они "способны были омолодить дряхлый мир гибнущей цивилизации" ⁸⁶. По сути это утверждение спорное. Омоложения не произошло. Варвары помогли этому "дряхлому" миру погибнуть, по существу, не взяв из него для себя ничего, что составляло существо этой блестящей цивилизации. Разве только

⁸² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М., 1948. — С. 11.

⁸³ Там же. — С. 173.

⁸⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Твори. Вид. 2-е. — Т. 20. — С. 177.

⁸⁵ Там же. — С. 183.

⁸⁶ Там же. — С. 177.

архаические родовые институты. Однако по форме, оно фактически перекликается с близкими утверждениями многих опровергателей марксизма. Дряхлому римскому миру Ф. Энгельс противопоставлял молодой мир варваров, в частности германцев, которые были в раннем средневековье "высоко одаренным арийским племенем и при этом в стадии полного жизненного развития"⁸⁷. Не здесь ли покоится один из источников вдохновения для Л.Н. Гумилева с его пассионарностью народов и акматической стадией их развития?

Так существует ли противоречие между моргановско-марксистским* законом непрерывного поступательного развития и признаниями самих классиков в прерывности этого процесса, в наличии стагнирующих обществ и даже переживавших время упадка и архаизации? Разумеется, нет. Прогрессивная поступательность, по сути, даже не требует особых доказательств. В ее пользу свидетельствует современное состояние человечества. Прогрессивность имела, если можно так сказать, всеобщий характер, тогда как стагнации и упадки — частный. Поднявшись на очередную ступень развития, будь-то овладение производящими формами хозяйства, изобретение металла или цивилизация с ее государственно-городскими формами жизни, человечество уже никогда не опускалось ниже. Даже если это и случалось с какой-то его частью, остальное продолжало поступательное развитие.

В конце V в. н. э. рухнула Западная Римская империя. Конечно, это было событие регрессивное, отбросившее многие народы в своем развитии далеко назад. Однако всеобщей катастрофы не случилось. Все лучшие достижения и традиции античной цивилизации продолжились в культуре Византии, где они получили дальнейшее развитие. В свою очередь, когда была разгромлена Византийская империя, Западная Европа уже вошла в эпоху возрождения. И опять же разрыва поступательности исторического процесса не произошло.

Завоевание и освоение Америки сопровождалось уничтожением местных культур, цивилизаций и, в значительной мере, их носителей. Конечно, для них это имело губительные последствия. Но не для прогрессивной эволюции в целом. Взамен Запад принес сюда версию своей цивилизации: в Южную Америку — в ее латино-католическом варианте, в Северную — в англо-протестантском.

⁸⁷ Там же. — С. 176.

* Может быть, точнее, марксистско-моргановским, поскольку, как считал Ф. Энгельс, Морган заново открыл то, к чему еще раньше пришел К. Маркс.

Сказанное, в значительной степени справедливо также и по отношению к Киевской Руси, разгромленной монголо-татарами. Чтобы не утверждал А.Н. Гумилев и его последователи о незначительности ущерба, причиненного монголо-татарами, археология свидетельствует об огромных масштабах трагедии. Особенно пострадала Южная Русь и ее три старые центры — Киев, Переяслав и Чернигов. Выше шла речь о невосполнимости ее утрат. Однако, несмотря на это, всевосточнославянской катастрофы не случилось. История не повернула вспять. Как известно, Новгород и Новгородская земля практически не были затронуты монголо-татарским нашествием. Западная Русь пострадала в меньшей степени, чем Поднепровская, а Северо-Восточная сравнительно быстро (разумеется, по историческим меркам) сумела оправиться от этого кошмара. Таким образом, традиции высокой киеворусской православной культуры не были потеряны. Именно они стали основой для возрождения Руси послемонгольской во главе с новым государственно-политическим центром во Владимире на Клязьме.

Мы не имеем возможности с такой же убедительной наглядностью наблюдать течение жизни в древности, не достигшей цивилизационного уровня и не оставившей нам письменных свидетельств, но, видимо, она характеризовалась аналогичными процессами.

В заключение этого сюжета следует сказать, что история общества определенно демонстрирует прогрессивную поступательность развития. На стадильном или формационном уровне — безусловно, по восходящей прямой, на внутростадиальном — по восходящей волнообразной линии.

На первый взгляд, здесь проблемы нет, все предельно ясно. Археология, принадлежащая к кругу исторических дисциплин, призвана, в конечном счете, реконструировать далекое прошлое исчезнувших обществ. В пользу этого как будто свидетельствует и тот факт, что археологи готовят и защищают диссертации по разделу истории, становятся кандидатами и докторами исторических наук.

Но, оказывается, не все так просто. Далеко не все кандидаты и доктора исторических наук убеждены в том, что археология является исторической наукой, а они — действительно историки. Многих из них отличает устойчивое методологическое предубеждение относительно исключительно вещеведческой компетенции археологии, которая якобы не может, а главное, и не должна заниматься социально-историческими реконструкциями. Объектом ее познания, согласно им, является не само общество, как субъект исторического процесса, а лишь следы его деятельности, то есть археологические находки.

В свое время А.Н. Гумилев, не жаловавший археологическое источниковедение, иронизировал над тем, что для археологов черепки важнее людей, которые "признаны за дополнение к черепкам разбитых горшков". Все остальное, полагал он, можно домыслить. "У каждой науки есть своя сфера и свои пределы. Археология ведает "трусами вещей", т.е. памятниками. Археолог бессилен там, где ткани и меха истлели, а золотые украшения перелиты врагами в слитки" ⁸⁸. В одной из работ А.Н. Гумилев сделал категоричное заявление о том, что "ар-

---

⁸⁸ Гумилев А.Н. Древняя Русь... — С. 25

хеология — наука о памятниках — не может подменять историю — науку о событиях" ⁸⁹. Столь скудное представление ученого об источниковой базе археологии и ее методах нередко приводило его к дилетантским суждениям о возможностях этой науки. Правда, когда у него не было других аргументов, он не брезговал и "свидетельствами" черепков. Говоря о господстве хазар в равнинном Дагестане, он подтверждал это находками тех же черепков, добытых экспедицией Г.С. Федорова-Давыдова. "Сходство этой керамики, — заявлял он, — с керамикой дельты Волги не вызывает сомнений" ⁹⁰.

Еще более убежденным сторонником ограниченной компетенции археологии является А.С. Клейн, перу которого принадлежит целый ряд интересных теоретических исследований в этой области. Его оппонентами выступали Ю.Н. Захарук и В.Ф. Генинг, отстаивавшие традиционное для советской историографии понимание археологии как науки исторической. Дискуссия между ними, развернувшаяся в 80—90 годы XX в., способствовала оживлению теоретических исследований в археологии, однако к выработке единой концепции или хотя бы сближению позиций не привела.

По мнению А.С. Клейна, археология не должна заниматься социально-историческими реконструкциями, потому что "археологические источники слишком односторонни, лакуарны, фрагментарны, информация о прошлом в них преобразована, искажена". Продолжая эту мысль, исследователь предостерегает от того, чтобы реконструировать исторический процесс на основе одних лишь археологических источников, поскольку в таком случае он получится однобоким, искаженным и недостоверным ⁹¹. "Реконструированная материальная культура в отличие от культуры живой, — утверждал А.С. Клейн, — не составляет целостной системы, ибо выделяется по второстепенным признакам — по тем, которые сохранились случайно" ⁹². Отрицая корректность утверждения В.Ф. Генинга о предметном мире прошлых поколений, с которыми имеет дело археология ⁹³, А.С. Клейн пришел к неожиданному заключению, что археологические памятники вообще не содержат предметный мир, а зачастую представляют собой лишь "нега-

⁸⁹ Гумилев А.Н. География этноса в исторический период. — Л., 1990. — С. 245.

⁹⁰ Гумилев А.Н. Древняя Русь и Великая Степь. — М., 1992. — С. 24, 27—28.

⁹¹ Клейн А.С. О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Генинга "Объект и предмет науки в археологии" // СА. — 1986. — № 3. — С. 211; Клейн А.С. В защиту "чистой археологии" // СА. — 1991. — № 2. — С. 103.

⁹² Клейн А.С. В защиту "чистой археологии" // СА. — 1991. — № 2. — С. 108.

⁹³ Генинг В.Ф. Объект и предмет в археологии. — К., 1983. — С. 105.

тивную выборку" ⁹⁴. Что вкладывается в это понятие, исследователь не пояснил, видимо и сам не очень представляя его истинное содержание.

Многое из сказанного выше справедливо. Конечно, археологические источники не адекватно отражают прошлое. И конечно одних их недостаточно для реконструкции исторического процесса. Но ведь в реальной археологической практике такого и не бывает, чтобы исследователь ограничивался только археологическими источниками. Кроме них, он привлекает палеоантропологические, палеоботанические и письменные (например, берестяные грамоты) источники, а также новые методы изучения материальных остатков: дендрохронологию, структурный и спектральный анализ черных и цветных металлов, археомагнитный метод датировки и др. Полученная таким образом информация неизмеримо расширяет возможности исторических реконструкций.

Можно согласиться, что и в этом случае они будут неполными, может, даже и "однобокими", но определенно не "искаженными". Это необъяснимое заблуждение считать, что в археологических артефактах информация о прошлом "преобразована" и "искажена". Кем преобразована и как искажена? И кто доказал, что археологи имеют дело исключительно со второстепенными признаками? Как могло так случиться, что время не пощадило главные признаки и сохранило исключительно второстепенные?

Возьмем, к примеру, остатки жилища палеолитического человека. Разве сохранившиеся конструктивные его части из костей мамонта — это второстепенные признаки, а сгнившие деревянные жерди и шкуры животных — главные? Если и подразделять признаки на такие категории, то в этом случае речь может идти о том, что именно главные-то и сохранились. И искусство первобытного человека мы знаем отнюдь не по второстепенным признакам. Пещеры Ласко и Шове во Франции с их изумительной реалистической живописью первобытных людей дошли до нас в таком же виде, в каком были оставлены ими 30 — 20 тыс. лет назад. Не соответствуют выводу о том, что археология имеет дело исключительно с второстепенными признаками примеры Помпей и Геркуланума, а также обнаружение замороженного альпийского пастуха эпохи бронзы.

А.С. Клейн, в качестве доказательства принципиальной невозможности постичь явление на основании находки того или иного материального предмета, привел пример музыкальных инструментов, по которым нельзя изучать музыку ушедшего

⁹⁴ Клейн А.С. О предмете археологии. — С. 212.

времени⁹⁵. Конечно, без обнаружения нотных знаков (в любом их виде) сделать это непросто. Хотя С.Н. Бибикову это как будто удалось⁹⁶. Находки гудков в древнем Новгороде также позволили "услышать" их звучание.

Но уже находки земледельческих орудий не создают исследователям аналогичных трудностей. По форме наральников и наличии (или отсутствию) чересел легко определить, какой была распашка грунтов. А если при этом обнаружены еще и сами злаки, что встречается довольно часто, исследователь уверенно может ответить на вопрос, каким было земледелие той или иной эпохи. По находкам орудий труда, предметов вооружения, ювелирных изделий можно говорить об уровне ремесленного производства, а обнаружение остатков мастерских, иногда с полным набором инструментария, позволяет восстановить и его технологию. Погребальные комплексы дают возможность реконструировать древний костюм.

Л.С. Клейн критикует тех исследователей, которые полагают, что "исторический процесс отражается в археологических материалах непосредственно". Согласно ему, он "отражается в них главным образом через посредника", каким является культура. "Без представления о культуре, о культурных традициях и образах, — продолжает свою мысль исследователь, — не отделить палеолитических орудий от случайных обломков камня"⁹⁷.

Такое впечатление, что здесь исследователем смешаны понятия "отражение" и "постижение" этого отражения. Знание культурной традиции определенно облегчает процесс познания артефактов, но ровным счетом не имеет никакого отношения к отражению в них исторического процесса. Таковое уже произошло в древности, когда вещный мир человека еще не был артефактным. Историческое содержание рубила не зависит от того, отделили ли его от "случайных обломков камня" или не отделили. Это проблема квалификации исследователя. Не может быть и малейшего сомнения в том, что исторический процесс отражается в вещном мире непосредственно. Познается же он, в том числе, и через культуру, точнее с помощью знания культурной традиции того или иного исторического периода.

В свете дискутируемой проблемы представляется чрезвычайно интересной мысль К. Маркса, высказанная им в "Экономически-философских рукописях 1844 г.". Согласно ему,

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Бибилов С.Н. Мизинский музыкальный комплекс. — К., 1981.

⁹⁷ Клейн Л.С. В защиту "чистой археологии" //СА. — 1991. — № 2. — С. 106.

"именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо... Поэтому предмет труда является опредмечиванием родовой жизни человека; человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире" ⁹⁸.

Но если человек может созерцать самого себя в опредмеченном им мире, то точно так же он способен созерцать и своих предшественников в опредмеченном ими мире. А если он еще и археолог, то это созерцание становится ничем иным, как постижением все того же исторического процесса. Выражаясь фигурально, археолог, изучая вещи, одновременно изучает и человека их создавшего. Именно человек, согласно справедливому замечанию основоположников марксизма, и является самой историей. "История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека" ⁹⁹.

"Да, — утверждает С.А. Клейн, — археология историко-ведческая наука, и незачем этого стыдиться. Собственно ее предмет — не древнее общество, не исторический процесс, а археологические источники" ¹⁰⁰. Обозначив таким образом познавательные возможности археологии, исследователь несколькими абзацами ниже признает, что она только "начинает с вещей, а заканчивает системами и процессом" ¹⁰¹. Но ведь "процесс" — это уже история. В материальных остатках нет процесса.

Согласно убеждению С.А. Клейна, археолог, изучив свои источники, должен передать полученную информацию специалистам по ее синтезированию, которые в рамках особой науки реконструируют исторический процесс.

Что же это за особая наука? Оказывается, история*. Только она вправе, и то в определенных границах, реконструировать весь исторический процесс. Это особое ее положение будто бы обеспечивает ей то, что она ведает письменными источниками, в которых наиболее адекватно отразились события и явления прошлого ¹⁰².

⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 42. — С. 94.

⁹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 2. — С. 102.

¹⁰⁰ Клейн А.С. О предмете археологии. — С. 212.

¹⁰¹ Там же.

* Для Л.Н. Гумилева, как известно, главными науками были география и этнология, а историю он считал вспомогательной дисциплиной. (См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. — Л., 1990. — С. 348; Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. — М., 1992. — С. 294). Еще раньше С.М. Широкогоров венцом знания о человеке считал этнологию.

¹⁰² Клейн А.С. В защиту "чистой археологии". — С. 103—104; Клейн А.С. О предмете археологии. — С. 211.

Что касается утверждения "ведает", то корректным его назвать никак нельзя. Оно, скорее, может относиться к такой науке как археография, которая занимается публикацией и источниковедческим анализом письменных источников. Правда, она тоже историческая дисциплина (как и археология), но непосредственным предметом ее исследования является письменный источник. А как быть с письменными источниками, выявленными благодаря археологическим раскопкам? Можно привести пример тех же новгородских берестяных грамот, граффити на стенах храмов или античных эпитафических памятников. Ими как будто "ведает" археология, но, согласно логике А.С. Клейна, археолог "не должен посягать на самостоятельное привлечение других источников, потому что они специфичны, а у него нет соответствующих знаний и навыков" ¹⁰³.

Невозможно даже представить, что было бы, если бы клейновский "приговор" археологам мог быть "приведен в исполнение". Мы не имели бы совершенно блестящих исследований древнерусских письменных источников, выполненных археологами Б.А. Рыбаковым, В.Л. Яниным, С.А. Высоцким, А.А. Мединцевой, Э.И. Соломоник и др. Правда, и в этом случае С.Л. Клейн не обошелся без оговорки, которая нивелирует высказанное им выше утверждение о том, что археолог "не должен". Конечно, замечает он, "никто не возбраняет археологу овладеть второй профессией..., но для этого он, археолог, должен вполне освоить ее методы" ¹⁰⁴.

Разумеется, должен. И во многих случаях он успешно это делает. Археологи, исследующие так называемые исторические эпохи (речь идет об эпохах письменного периода), просто обязаны владеть соответствующими знаниями и методами изучения письменных источников. Без их привлечения они не смогут извлечь максимальную историческую информацию и с археологических.

Конечно, археология может не все. И вряд ли прав В.Ф. Геннинг, утверждавший, что она "исследует исторический процесс всесторонне, во всех сферах жизнедеятельности", над чем не преминул поиронизировать А.С. Клейн. Только на основании археологических источников "всесторонне" не получится. Необходимо привлечение источников смежных исторических дисциплин, что мы и имеем на практике. Однако "не все может" и "не должна" — это совершенно разные взгляды на компетенцию археологии.

¹⁰³ Клейн А.С. О предмете археологии. — С. 212.

¹⁰⁴ Там же.

Дискуссия между Ю.Н. Захаруком и В.Ф. Генингом, с одной стороны, и Л.С. Клейном и его ленинградскими коллегами — с другой, показала, что диспутанты не всегда корректны в определении характера источников. В их работах нередко фигурируют термины "археологические" и "исторические" источники. У Л.С. Клейна это противопоставление обозначено даже в названии отдельных глав монографии: "От исторических источников к археологическим источникам" и "От археологических источников к историческим источникам".

Но ведь такого разделения в реальности не существует. Можно говорить о вещественных и письменных источниках, но те и другие бесспорно являются историческими источниками. В конечном итоге к такому признанию приходили даже наиболее ортодоксальные сторонники археологической специфичности вещественных памятников.

Особенно характерным в этом отношении может быть противоречивое высказывание Г.П. Григорьева. "Ископаемые объекты, — утверждал исследователь, — суть археологические источники, а не исторические... В них исторической информации не содержится... Другое дело, что историк, взяв из рук археолога исторические выводы, может их использовать как исторический источник, но это ни в коей мере не значит, что наши источники исторические" ¹⁰⁵.

Комментировать сказанное выше практически невозможно ввиду полной авторской неопределенности относительно содержания вещественных источников. Можно только отметить его курьезность. Если в археологических источниках нет исторической информации, то откуда возьмутся у археолога "исторические выводы", которые он должен передать историку?

По существу, аналогичной противоречивостью отличаются и взгляды Л.С. Клейна, хотя его приговор археологическим источникам как неисторическим с течением времени несколько смягчился. То, о чем спорили археологи в 80—90-е годы XX в. можно сформулировать корректнее. Какие источники важнее для реконструкции социально-исторических процессов: письменные или археологические?

Ответ очевиден: и те, и другие. Объективно, "Повесть временных лет" содержит больше исторической информации, чем материальные предметы, добытые археологическими раскопками. Однако, если мы обратимся, например, к проблеме строительства Софии Киевской, то окажется, что информация,

¹⁰⁵ Григорьев Г.П. О предмете археологии // Тезисы докладов, посвященных проблемам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. — Ташкент. 1973. — С. 41.

заклученная в архитектурно-археологических источниках, проясняет такие вопросы, на которые нет ответов в летописных текстах. В частности, это относится ко времени заложения кафедрального собора. Многие населенные пункты Киевской Руси, о которых лишь вскользь упоминается в летописи, обрели свое историческое содержание как порубежные крепости или административно-политические центры округи лишь благодаря археологическим раскопкам. Только графическая реконструкция Любечского замка, выполненная Б.А. Рыбаковым на основании результатов многолетних раскопок, позволила яснее представить исторические декорации, в которых проходил знаменитый Любечский съезд князей 1097 г. Несмотря на необычную сосредоточенность новгородских летописей на внутренней жизни своего города, о том, каким он был, как выглядела его жилая застройка или градостроительная планировочная структура, мы узнали только благодаря многолетним археологическим раскопкам.

Безусловно, социально-историческая реконструкция будет тем полнее и объективнее, чем большее число источников задействовано в процессе ее создания. И здесь неважно, кто выступает в роли синтезатора — археолог или "чистый" историк. Кстати, последнему в не меньшей мере, чем первому, необходимо овладеть знаниями и методами изучения источников смежной исторической дисциплины. Справедливости ради следует сказать, что примеры подобного проникновения "чистых" историков в смежную область крайне редки. Даже, если бы археологи выступали только как поставщики исторической информации, полученной в результате источниковедческого изучения археологических артефактов, историкам было бы чрезвычайно сложно использовать ее в своих исследованиях. Подтверждением сказанному являются труды М.С. Грушевского, Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомирова, С.Е. Юшкова и других крупных историков, в которых данные археологических источников представлены чрезвычайно скромно.

Если обратиться к исследованиям дописьменных или ранних письменных периодов истории, то окажется, что они принадлежат преимущественно археологам. В свое время историю первобытного общества написал археолог П.П. Ефименко¹⁰⁶, историю первых цивилизаций — археолог В.М. Массон¹⁰⁷, историю хазар — археолог М.И. Артамонов¹⁰⁸. Лучшие исторические работы, посвященные славянам и Киевской Руси, также

¹⁰⁶ Ефименко П.П. Первобытное общество. — А., 1938; К., 1953.

¹⁰⁷ Массон В.М. Первые цивилизации. — А., 1989.

¹⁰⁸ Артамонов М.И. История хазар. — А., 1962.

принадлежат археологам — Б.А. Рыбакову, П.Н. Третьякову, Н.Н. Воронину, В.А. Янину и др. При написании многотомной академической истории Украинской ССР первый ее том — от древнейших времен до Киевской Руси включительно — неизменно выполнялся коллективом авторов Института археологии АН УССР. Позже им была написана "Древняя история Украины" в трех томах, а также однотомник "Этническая история Украины" ¹⁰⁹.

Вряд ли такое положение случайно. Совершенно очевидно, что, кроме археологов, владеющих специфической источниковой базой и методикой ее исследования, больше никто не может выполнить исторические реконструкции древности и показать за вещевыми остатками живых людей. По сути своей, археолог является историком, только оперирует он преимущественно другой категорией источников.

Эту мысль впервые отчетливо сформулировал еще в конце 20-х годов XX в. А.В. Арциховский. "Задача археологии, — писал он, — совершенно совпадает с задачами истории. Эти две науки отличаются друг от друга только характером источников (письменные источники истории и вещественные источники археологии)" ¹¹⁰. Позже к кругу исторических дисциплин причислил археологию и М.Н. Тихомиров. Историческая наука, согласно историку, является наукой комплексной, основывающейся на всех достижениях собственно истории, археографии, археологии, лингвистики, этнографии. Только недалекие люди могут думать о приоритете какой-либо из этих исторических дисциплин ¹¹¹. По сути, в советское время представление об археологии, как исторической науке, было господствующим. Одной из важнейших ее задач наряду с археологическим источниковедением была реконструкция социокультурных процессов.

"Успехи археологии последнего времени, — писал в 1972 г. Б.А. Рыбаков, — составляют не только, да и не столько ценные находки сокровищ и предметов обихода древнего человека, сколько осмысление найденного: понимание хозяйства, социальных отношений, культуры разных народов на всех этапах развития" ¹¹².

¹⁰⁹ Давня історія України. — Т. 1—3; Етнічна історія давньої України. — К., 2000.

¹¹⁰ Арциховский А.В. Новые методы археологии. — Историк-марксист. — М., 1929. — Т. 14. — С. 137.

¹¹¹ Тихомиров М.Н. К пятилетию со дня смерти академика Бориса Дмитриевича Грекова // История СССР. — 1958. — № 5. — С. 54.

¹¹² Рыбаков Б.А. Гуманитарии в эпоху НТР // Наука и жизнь. 1972. — № 3. — С. 42.

В 1980—1990-е гг., после эпатажных работ Л.С. Клейна, потребовалось теоретическое обоснование, казалось бы, очевидного. В защиту исторического содержания археологических исследований выступили Ю.А. Захарук, В.Ф. Генинг и другие археологи. Развивая мысль М.Н. Тихомирова, Ю.Н. Захарук подчеркивал, что каждая историческая наука, и археология в том числе, на уровне интерпретации своих источников включается в область исследования и разработок проблем общеисторического познания. Археологи, "письменные" историки, лингвисты, этнографы, — утверждал он, — являются не только специалистами-источниковедами, но и историками ¹¹³.

Археологу, согласно Ю.Н. Захаруку, всегда приходится заниматься сложным "переводом" специфического языка археологического источника на язык реконструируемой исторической действительности ¹¹⁴. Он не отрицал того, что на основе одних лишь археологических источников реконструкция прошлого будет неполной, но это вовсе не значит, что она окажется недостоверной, а тем более, искаженной. Ведь в точно таком же положении находятся и все другие источники, в том числе и письменные, за которыми Ю.Н. Захарук совершенно справедливо не признавал исключительной привилегии на реконструкцию исторического процесса ¹¹⁵.

Особая полнота и адекватность письменных источников — представление в значительной степени идеализированное, утверждаемое людьми, не работавшими с ними. Известно, что среди письменных свидетельств много и таких, которые действительно искажают историческую реальность. Одно и то же событие нередко освещено ими совершенно по-разному. Особенно хорошо это прослеживается на примере древнерусских летописей, где летописцы часто грешили субъективными оценками. Потребовалась огромная источниковедческая работа многих поколений историков (она не завершена и поныне), чтобы письменные свидетельства открыли объективную информацию о прошлом. В этом отношении археологические источники выгодно отличаются от письменных. Они менее информативны, в них не слышатся голоса ушедших поколений, но зато более объективны, не препарированы в соответствии с той или иной конъюнктурой.

Л.С. Клейн отмечал, что "процесс научного познания (речь идет об историческом познании. — П.Т.) глубоко эшелониро-

¹¹³ Захарук Ю.Н. Археология: наука историческая или источниковедческая // СА. — 1989. — № 3. — С. 212.

¹¹⁴ Захарук Ю.Н. О понятии "факт" в археологической науке // СА. — 1977. — № 4. — С. 40.

¹¹⁵ Захарук Ю.Н. Археология... — С. 208.

ван" и исследователь не имеет права пересказывать "через промежуточные этапы" ¹¹⁶. Утверждение совершенно бесспорное, жаль только не распространенное автором и на археологов, которые в общеметодическом плане ничем не отличаются от историков. Как тем, так и другим, надо добыть источник, получить от него достоверную историческую информацию, а затем перейти к социальной реконструкции. В.Ф. Генинг выделял два уровня археологических исследований: предметно-технологический и социально-исторический ¹¹⁷. Согласно Ю.Н. Захаруку, их даже три: источниковедческий, реконструктивный и синтетический ¹¹⁸.

Разумеется, дело не в количестве этапов так называемого глубоко эшелонированного исторического познания. При желании их можно значительно увеличить, разбив каждый из двух или трех на более мелкие звенья. В реальном исследовательском процессе это и происходит. Речь идет об общих закономерностях в процессе исторического познания, о необходимости преодоления пути от частного факта, через постижение заключенной в нем исторической информации, до исторической реконструкции явления. Если попытаться проиллюстрировать это на конкретном примере, то мы получим следующую картину: исследование остатков древнего сооружения — реконструкция его архитектуры и интерьера — проникновение в мир, построивших и живших в нем людей.

Если бы археология не занималась социально-историческими реконструкциями, а, "прислушавшись" к рекомендациям Санкт-петербургских археологов, ограничилась только изучением системы связей в пределах археологических памятников, она бы выпала из круга исторических научных дисциплин. В таком случае ее информация не была бы понятной, а следовательно, и интересной для "чистых" историков. Прежде всего, в силу ее вещеведческой специфичности.

Сказанное в большей степени относится к тем периодам древности, от которых ничего, кроме материальных остатков, до нашего времени не сохранилось. Ни один "чистый" историк не сможет не только синтезировать специфические археологические знания, но вряд ли вообще заинтересуется ими. У А.С. Клейна на этот счет другое мнение: да, история действительно не будет заниматься ранними периодами, но для этого есть еще одна, синтетическая наука, — предыстория ¹¹⁹.

¹¹⁶ Клейн А.С. О предмете археологии. — С. 211—212.

¹¹⁷ Генинг В.Ф. Археология — целостная научная система или "дилетантские вылазки" и "полуфабрикат знания" // СА. — 1989. — № 3. — С. 223—224.

¹¹⁸ Захарук Ю.Н. Археология... — С. 209.

¹¹⁹ Клейн А.С. О предмете археологии. — С. 216.

Как известно, в зарубежной историографии, преимущественно западной, дописьменный период именуется "доисторическим", "праисторическим" или "протоисторическим". При этом четкого определения того, какие сущностные характеристики или признаки не позволяют считать его просто "историческим", нет. Если действительно исходить из наличия или отсутствия письменности, то исторический период в жизни общества окажется крайне незначительным — всего каких-то 5 тысяч лет. Да и то не для всего земного шара, а только для наиболее цивилизованных его регионов. Восточные славяне, в таком случае, задержались на "праисторической" стадии до X в., а многие народы мира и того дольше — вплоть до XIX в.

Пытаясь обосновать наличие особой науки "предыстории", исследующей исторические процессы древних дописьменных обществ, Л.С. Клейн сослался на авторитет классиков, отрицательного отношения к которым он с некоторых пор не скрывает*. Упрек В.Ф. Генинга в его адрес в том, что он "свободно отмечает любые самые фундаментальные положения марксистской исторической и археологической науки" Л.С. Клейн воспринял как высокую аттестацию своих исследований¹²⁰. Критикуя взгляды В.Ф. Генинга, отвергающего наличие особых синтетических наук, Л.С. Клейн заметил: "Теоретику-марксисту не грех бы припомнить, что на Западе Маркс и Энгельс не считали зазорным опираться на эти науки и даже пользоваться терминами "доистория", "доисторический" ¹²¹.

В действительности, ни на какую такую науку "доисторию" К. Маркс и Ф. Энгельс не опирались по той простой причине, что ее не было в природе. Пользуясь иногда упомянутыми терминами, они вкладывали в них совершенно другой смысл — хронологическо-периодизационный. Согласно К. Марксу, историческая наука, опирающаяся на концепцию развития материального производства, делит "доисторические времена" на соответствующие периоды, по материалу орудий и оружия" ¹²².

* Судя по более ранним работам Л.С. Клейна, его отношение к марксизму было другим. В 1978 г. он утверждал, что "настоятельно необходимо ввести в археологию современное марксистское представление о том, что такое научная теория, и с этой точки зрения критически разобрать упрощенные представления, явно или подспудно бытующие в археологии и реализуемые в повседневной исследовательской работе". При этом, он высказывал сожаление, что "богатая и изощренная концепция теоретического знания, разрабатываемая марксистскими философами и науковедами, незнакома археологам". (См.: Клейн Л.С. Археологическая теория. Проблемы археологии. — Л., 1978. — С. 9.

¹²⁰ Клейн Л.С. В защиту "чистой археологии". — С. 105.

¹²¹ Клейн Л.С. О предмете археологии. — С. 216.

¹²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 191.

В работе "Немецкая идеология" К. Маркс и Ф. Энгельс критиковали немецких идеалистов за игнорирование ими действительной основы истории, а также за надуманное ими противопоставление "предыстории" и "истории". Они (немецкие идеалисты) не дали никаких разъяснений относительно того, как совершается переход от этой "бессмысленной" "предыстории" к собственно истории" ¹²³.

Ф. Энгельс также употреблял термины "доисторический" и "предыстория", но, как и К. Маркс, ни о какой такой науке не говорил. В одном случае он употребил выражение "доисторическая основа нашей письменной истории", в другом — "предыстория человечества" ¹²⁴. В целом же, всю эволюцию человечества он относил к истории. "Какими люди первоначально выделились из животного (в узком понимании слова) царства, — писал Ф. Энгельс в "Анти-Дюринге", — такими они и вступили в историю: еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознав еще своих собственных сил" ¹²⁵.

Ю.Н. Захарук, подробно проанализировавший употребление классиками терминов "предыстория" и "доистория", пришел к заключению, что во всех случаях они употреблены не в том значении, на которые указывал Л.С. Клейн. "К. Маркс и Ф. Энгельс не опирались "на эти науки" и не пользовались этими терминами в духе концепции Л.С. Клейна" ¹²⁶. Если уж и обращаться к наследию классиков марксизма, полагал Ю.Н. Захарук, то следует вспомнить хрестоматийное его положение о важном значении для "изучения исчезнувших социально-экономических формаций" такой категории археологических источников, как орудия труда ¹²⁷.

Приступая к написанию "Древней истории Украины", инициатором которой был один из наиболее последовательных сторонников исторической компетенции археологии С.Н. Бибикив, авторский коллектив, состоявший исключительно из археологов, исходил из двух принципиальных соображений. Первое относится к объему самого предмета исследования. Это не только собственно история, отсчитывающая свой век от изобретения письменности, но и так называемая доистория или предыстория, начавшаяся в пределах современной территории Украины около 1 млн лет назад. В полном соответствии

¹²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 3. — С. 27.

¹²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 21. — С. 26, 28.

¹²⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Твори. Вид. 2-е. — Т. 20. — С. 173.

¹²⁶ Захарук Ю.Н. Археология... — С. 214.

¹²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 191.

с замечанием классиков марксизма о бессмысленности разделения единого исторического потока на "предысторию" и "историю", авторы "Древней истории Украины" предложили целостную схему исторического процесса от времен палеолита до позднего средневековья включительно. Второе связано с убеждением, что выполнение такой амбициозной задачи вполне по силам специалистам Института археологии НАН Украины, осознающим, что они не только археологи, но и историки. Наверное, сделанное не во всем соответствует объективной исторической реальности, имевшей место в древности, но, думается, что этот первый опыт осмысления древней истории на основе, преимущественно, археологических источников окажется в конечном итоге продуктивным.

Безусловно, в усилиях археологов на поприще древней истории не было бы необходимости, если бы действительно существовала специальная наука "предыстория" и были бы ученые такого профиля, способные синтезировать археологическую информацию. Но нет ни науки "предыстории", ни "предысториков", а поэтому, кроме археологов, предложить реконструкцию исторического развития в древности просто некому.

Приведенный конкретный пример с "Древней историей Украины" больше, чем многословные теоретические рассуждения утверждает в том, что компетенцией археологии является не только предметный мир древних обществ, но и сами эти общества. Археология "не возводится в историю", как утверждал А.С. Клейн, а по своим функциям является исторической наукой.

Удивительно, занимаясь всю жизнь проблемой компетенции археологии, А.С. Клейн так и не смог определиться в этом вопросе. Казалось, противоречивость его взглядов, имевшая место в статьях, должна была уступить место строгой и однозначной концепции в итоговой монографии, но этого не случилось. Иронизируя над выводами С.И. Жебелева, А.В. Арциховского и других археологов, полагавших, что археология это та же история только вооруженная лопатой, и по-прежнему настаивая на том, что она является исключительно источниковедческой дисциплиной, он одновременно утверждает и ее историческое содержание.

"Заботы археологии, — пишет А.С. Клейн, — не оканчиваются выделением археологических культур. Формирование генетических (трассовых) секвенций, т.е. рядов культур, в которых протекал исторический процесс, еще целиком входит в компетенцию археологии. Это означает, что так называемые исторические реконструкции явлений (автохтонности, миграций, влияний, трансформаций и т.п.) — дело археолога, а не

историка" ¹²⁸. Но ведь все перечисленное выше и составляет существо исторического процесса. Не исчерпывает его содержания, но является органической частью.

Еще определеннее по вопросу компетенции археологии А.С. Клейн высказался в заключительной главе монографии, хотя также не избежал двойственного взгляда. "Если говорить о методологической природе дисциплины, археология как историческая дисциплина не является ни чистой и точной наукой, ни гуманитарной, а относится к числу прикладных. Подобно истории, она имеет задачу восстановить исторический процесс и, подобно истории, она не может реконструировать его в конкретных деталях" ¹²⁹. Продолжая эту мысль А.С. Клейн утверждает, что археология реконструирует лишь типичные черты структуры, а также исторический процесс, хотя и не в такой полноте, как история.

Наверное, не в такой, но ведь это уже проблема источника, а не компетенции науки. Полнота реконструкции, как известно, зависит от комплексности используемых источников. И во многих случаях именно вещественные оказываются преимущественными в деле постижения исторического процесса. Без археологии, без ее вещественных источников, мы, по существу, не смогли бы понять даже такой вполне письменный период истории, каким является Киевская Русь.

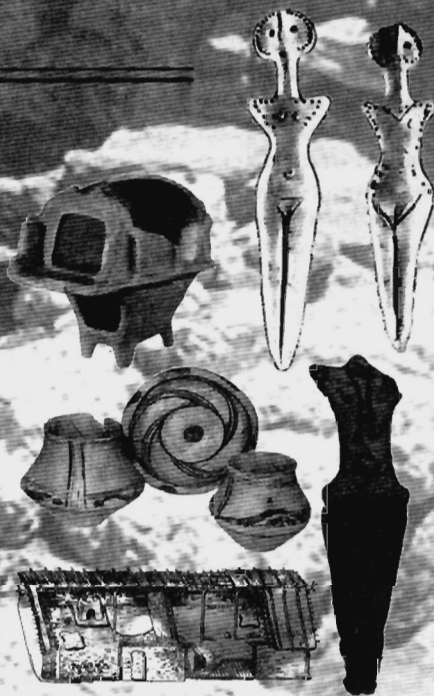
¹²⁸ Клейн А.С. Введение в теоретическую археологию. Кн. 1. Метаархеология. — СПб., 2004. — С. 76.

¹²⁹ Там же. — С. 395.

Археологическая культура и этнос

Один из важнейших вопросов, постоянно возникающий перед археологами, связан с определением этнокультурного содержания исследуемых ими археологических артефактов. Осуществив их морфологический и типологический анализ, исследователь неизменно пытается за вещами увидеть людей, их создавших. Дело это чрезвычайно трудное. Особенно, если речь идет о периодах, не оставивших письменных источников. Методологической четкости в этом не было в прошлом и, к сожалению, еще меньше ее в наше время, когда Украина обрела государственный суверенитет, и многие ее граждане, в том числе и обремененные дипломами историков высшей квалификации, занялись поиском украинца в его нынешней ипостаси в глубине веков. На это можно было бы не обращать внимания: мало ли что могут понапридумывать в патриотическом рвении люди, профессионально не занимающиеся этой проблемой, если бы это не становилось тенденцией, оказывающей свое тлетворное влияние и на академическую науку.

Упрощенное представление об этно- и культурогенезе проникает в вузовские и школьные учебники истории, авторами которых нередко являются вполне квалифицированные историки. По сути, все сводится к элементарному биологизму, последовательному воспроизводству в течение многих тысячелетий новых популяций одного и того же этноса. Причем, уже в глубине веков, обладавшего основными этно-

---

* Автор понимает этнос как исторически сложившуюся общность людей, обладающую своей особой культурой и языком, осознающую общность происхождения и отличающую себя от других общностей.

культурными признаками, присущими ему и в наше время, в том числе и языком *.

Такой подход к проблеме этногенеза не имеет ничего общего ни с научной его теорией, ни с историческими реалиями. Археологические и письменные источники свидетельствуют об этнической и культурной неоднородности населения территории Украины в течение тысячелетий. Степные ее пространства практически во все времена были ареной миграционных процессов. Периодическая смена этносов здесь была обычным явлением. Большей стабильностью отличалось население полесской и лесостепной зон, но и оно не находилось на положении изоляционного резервата. Нередко миграционные волны достигали и этих территорий, внося существенные изменения в их этнокультурную ситуацию.

От такого упрощенного понимания закономерностей этногенеза в свое время предостерегал известный украинский этнолог и археолог В.П. Петров. Он справедливо замечал, что исторический процесс не всегда был простым, ничем не опосредуемым развитием или неизменным, всегда тождественным себе биологическим воспроизведением поколений.

"Когда мы говорим, что являемся автохтонами на нашей земле, что живем на ней не от VII ст. по Рождеству, а еще от III тыс. перед Рождеством, — утверждал исследователь, — мы должны учитывать, что между нами и обитателями неолитической Украины лежит несколько пройденных нашими предками эпох, несколько этапов этнических деформаций... Наша автохтонность не была плодом и следствием лишь биологического изменения и биологического воспроизведения поколений, которые в движении времени, в течение тысячелетий последовательно сменяли одно другого... В громах и бурях уничтожений, в бурных переломах создавался украинский народ, каким мы его знаем теперь" ¹³⁰.

* В отечественной историографии наиболее последовательным сторонником биологической природы этноса был А.Н. Гумилев. Считая его "явлением природы", а не продуктом социо- и культурогенеза, историк уподоблял этнос биологическому организму, строго связанному с определенным ландшафтом (См.: Гумилев А.Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л., 1989; Гумилев А.Н. География этноса в исторический период. Л., 1998). До него биологическую природу этноса, составлявшего якобы неразделенное единство с природными условиями утверждал С.М. Широкогоров (См.: Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Изв. Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета. — Шанхай, 1929. — Вып. 28. — Т. 1. — С. 124—126.

¹³⁰ Петров В.П. Походження українського народу. — К., 1992. — С. 25—26; Удивительно, что эта четкая методологическая концепция этногенеза

Сторонники цивилизационной периодизации истории, в частности О. Шпенглер, приходили к выводу, что цивилизации напоминают человеческий организм, а значит, они проходят периоды детства, юности, зрелости и старения *. Здесь, разумеется, речь идет не о самой цивилизации, а ее носителях, обществе, ее создавшем. О. Шпенглер полагал, что идеальный временной период существования цивилизации составляет 1000 лет, что пропорционально сравнимо с индивидуальным жизненным сроком человека — 70 лет ¹³¹.

По существу, к аналогичному выводу пришел и А.Дж. Тойнби. Среди причин надломов цивилизаций, главную он видел во внутреннем взрыве, через который "общество утрачивает свойство самодетерминации". Проявлялось это в эскалации междоусобных войн, которые были повинны в четырнадцати из шестнадцати надломов цивилизации ¹³².

В отечественной историографии шпенглеровский взгляд на этногенез наиболее последовательно отстаивал А.Н. Гумилев. "В истории этносов — утверждал он, — мы сталкиваемся с тем, что время от времени на определенных участках Земли идет абсолютная ломка, когда старые этносы исчезают и появляются новые. Древности принадлежат филистимляне и халдеи, македоняне и этруски, когда-то не было англичан, французов, испанцев" ¹³³.

То же самое мы наблюдаем и в отечественной истории. Исчезли киммерийцы, скифы, сарматы, гунны, авары, хазары, печенеги, торки, половцы. И так же было время, когда не было русских, украинцев, белорусов.

Трудно сказать, есть ли в мировой истории пример, когда бы в течение нескольких тысячелетий на одной и той же территории жил один и тот же народ, эволюция которого не испытала иноэтнического влияния. Между тем известно великое множество случаев, когда исторические народы продолжали свое развитие на другой территориальной, а иногда и этнокультурной основе. Ярким примером этому служит история болгар, которые, будучи тюрками по происхождению, придя на Дунай, сравнительно быстро ославянились. Другой вариант

остается практически незамеченной, хотя сам В.П. Петров чуть ли не канонизирован современной украинской научной мыслью как приверженец прадавнего происхождения украинцев.

* Похожую мысль высказала выдающийся физиолог современности Наталия Бехтерева, полагаящая, что общество живет по тем же законам, что и человеческий мозг. (См.: Через тернии к звездам. // Компаньон. — 2006. — № 29—30. — С. 74).

¹³¹ Шпенглер О. Закат Европы. — М., 1923. — Т. 1. — С. 121—122.

¹³² Тойнби А.Дж. Постигание истории. — М., 2006. — С. 347.

¹³³ Гумилев А.Н. От Руси до России. — М., 2001. — С. 12.

неавтохтонного развития демонстрирует нам история греков-ахейцев, латинян, венгров, арабов, турок в Старом Свете, а также практически всех современных народов Нового Света.

Конечно, во всех случаях пришлые народы имели предшественников, которых они подчинили или же (как болгары) сами ассимилировались на этнической базе завоеванных народов. В результате такой линии этногенеза с исторической арены сходили одни народы, культуры и языки и появлялись другие. Иногда потеря языка и культуры не свидетельствовала о биологическом изменении этноса. История знает немало примеров, когда один и тот же этнос на разных исторических стадиях развития имел разные языки. В.М. Массон в качестве примера этому приводит историю Месопотамии, где изменилось немало языков при сохранении населением традиций культурного наследия, а также Центральной Азии, где согдийский язык сменился таджицко-персским, самоназвание "согдийцы" уступило место названию "таджики", тогда как антропологически и культурно это был один и тот же народ ¹³⁴.

Аналогичная ситуация имела место и в истории дунайских болгар. Преобладающим биологическим их компонентом, по видимому, остался тюркский, что же касается языка, то и здесь все вполне ясно: болгары утратили тюркский и обрели славянский язык.

Исследуя динамику рождения нового этноса, А.Н. Гумилев видел ее в столкновении двух и более этносов, в результате чего слабейшие погибали. Нередко в результате такого столкновения образовывался новый этнос не адекватный ни одному из составивших его. Все это происходило, по мнению исследователя, внезапно. "Новый этнос, молодой и творческий..., ломая обветшалую культуру и обездушенный, то есть утративший способность к творчеству, быт старых этносов в грозе и буре утверждает свое право на место под солнцем" ¹³⁵. Удивительно, но А.Н. Гумилев почти дословно повторяет вывод В.П. Петрова, сделанный еще в 1947 г. в лекции "Происхождение украинского народа", прочитанной украинским студентам в Регенсбурге.

Что касается продолжительности жизни этноса, то А.Н. Гумилев увеличил ее, по сравнению с О. Шпенглером, на 500 лет: от момента "толчка до полного разрушения около 1500 лет" ¹³⁶. Правда, это в том случае, если в этот эволюционный процесс не вторгались агрессивные соседи. Но мы знаем, что это происходило сплошь и рядом. А.Дж. Тойнби называл это геогра-

¹³⁴ Массон В.М. Перспективы методологических разработок в исторической науке. — СПб., 2004. — С. 14.

¹³⁵ Петров В.П. Походжения... — С. 25—26.

¹³⁶ Гумилев А.Н. От Руси... — С. 14.

фической экспансией, когда одно общество притязает на владения другого. Успех подобных притязаний, считал он, приводил к ассимиляции, которая являлась результатом так называемого "культурного облучения"¹³⁷. Еще раньше аналогичную мысль высказал Ф. Энгельс, полагавший, что ассимиляционные процессы происходили, как правило, на базе более высокой культуры, причем независимо от того, принадлежала ли она завоевателям или же завоеванным народам. "При длительном завоевании, — утверждал Ф. Энгельс, — менее культурный народ вынужден в подавляющем большинстве случаев приспособляться к более высокому "хозяйственному положению" завоеванной страны. Он ассимилировался покоренным народом и часто вынужден усваивать даже его язык"¹³⁸.

Теоретически любой этнос имеет своего предка. И даже не одного, а нескольких, как полагал А.Н. Гумилев. В действительности, многих предков, но выявить ту единственную эволюционную нить, связывающую исторический этнос с его прародителем или прародителями, — невозможно.

Этого нельзя сделать не только для украинского этноса, но даже в целом для восточных славян. Культуро- и этногенез древнего населения современной территории Украины отличался невероятной многолинейностью и сложностью. В отдельные исторические эпохи здесь скрещивались десятки разных культур и народов. Причем, если степной коридор тысячелетия служил дорогой на запад азиатским племенам и народам, то лесостепная зона нередко была ареной западно- и северо-европейских влияний, включительно с переселением туда больших масс населения.

Примером этому может служить трипольская археологическая культура, относящаяся к эпохе неолита. В свое время ее первооткрыватель В.В. Хвойка видел в трипольцах племя арийского происхождения, которое имело непосредственное отношение к нашим предкам праславянам. Уже в то время подобный вывод казался не корректным. Современник В.В. Хвойки известный археолог Н.Ф. Беяшевский считал такие утверждения ничем не мотивированной фантазией¹³⁹. Тем не

¹³⁷ А.Дж. Тойнби. Постигание истории. — С. 231.

¹³⁸ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. — Твори. Вид. 2-е. — Т. 20. — С. 177.

¹³⁹ Беяшевский Н.Ф., Хвойка В.В. Раскопки 1901 г. в области трипольской культуры (рецензия). // АЛЮР. — 1904. — № 3. — С. 116—120. "Мы серьезно желаем автору в его будущей работе, — писал Н.Ф. Беяшевский, — если не совсем удалить этнологическую часть, то отвести ей возможно меньше места, — это очень скользкая поверхность, по которой можно съехать в такой лес предположений..., из которого невозможно будет выбраться".

менее, последующие украинские исследователи (В. Щербакивский) не только не отказались от предположения В.В. Хвойки, но и распространили его на украинцев. Особенно популярным оно было в 20 — 30-х гг. XX в. В.П. Петров, не отрицая в целом культурно-исторической преемственности от энеолитических времен до славянской эпохи, не видел в трипольцах славян.

В новое время наблюдается определенный возврат к идеям В.В. Хвойки и его ближайших последователей. В большей мере это относится к вузовским преподавателям, но справедливо и по отношению к некоторым профессиональным археологам, склонным видеть в трипольской культуре цивилизацию¹⁴⁰. На самом деле никаких фактов, которые бы свидетельствовали о выходе трипольского общества на цивилизационный уровень развития, нет. Трипольцы, практически, не знали индустрии металла (все их орудия труда изготовлены из камня и кости). Поселения, даже и самые большие, ничего общего с городами первых цивилизаций не имели. В них не было монументальных, в том числе общественных, зданий — дворцов, храмов и т.п. Не знали они и письменности, как нет никаких данных и об их государственной-политической организации.

Не может быть и наименьшего сомнения, что мы имеем дело с культурой, которая характеризует первобытно-общинную стадию развития ее носителей. Она действительно яркая и, конечно, было бы заманчиво связать ее с украинским этногенезом, однако сделать это невозможно. По своему происхождению трипольская культура не автохтонная на наших землях. Ее первоначальное формирование связано с Малой Азией, Восточным Средиземноморьем и Балканами. Территория распространения — от Трансильвании до Днестра. Сегодня на ней проживает по меньшей мере три народа — румыны, молдаване, украинцы*.

Кроме того, во время бытования в лесостепной зоне территории Украины трипольцев, в других ее регионах проживало население, которое оставило еще около десятка археологических культур, например, ямочно-гребенчатой керамики (украинское Полесье), среднестоговская (Поднепровье и Левобережная Украина), лейчастой посуды (Воынь, Верхнее Поднепровье, Западное Побужье), шарообразных амфор (Воынь и Подолье) и др.

¹⁴⁰ Шмаглай М.М., Відейко М.Ю. Трипільські протоміста // Археологія. — 1993. — № 3. — С. 52—63; Відейко М.Ю. Трипільська цивілізація. — К., 2000.

* Вероятно, более корректно называть эту культуру не трипольской, а кукутени-трипольской, тем более, что поселение Кукутени открыто румынскими археологами раньше, чем поселение я с. Триполье В.В. Хвойкой.

Фактически в пределах современной Украины во времена энеолита выделяется три большие культурно-исторические и хозяйственные зоны: земледельческо-скотоводческая — в Лесостепи, охотничье-рыболовецкая — в полесской зоне, скотоводческая — в степной. Даже если исключить из "претендентов" на славянско-украинское "прародительство" степных кочевников, окажется, что на исторической славянской территории проживали не одни трипольцы.

Следовательно, отдав предпочтение трипольцам как возможным прародителям славян и украинцев мы лишаем аналогичных прав всех других ее жителей этого же времени. Такое упрощенное понимание проблемы этно-культурогенеза с непрерывным поиском единственного народа-прародителя с научной точки зрения абсолютно несостоятельно. Это справедливо и в том случае, если бы этим народом мы объявили не пришлых трипольцев, а автохтонных носителей какой-то иной культуры, например, ямочно-гребенчатой или лейчастой посуды.

И все же, кем были носители трипольской культуры? Учитывая ее происхождение, ответ как будто напрашивается сам собой. Разумеется, скорее, обитателями тех регионов, где формировалась эта культура и откуда ее создатели понесли на новые земли. По существу, именно так считал В.М. Щербакивский, который, хотя и утверждал, что славяне-украинцы жили на территории Украины уже с периода неолита, тем не менее отмечал, что трипольцы создали здесь "общество азийско-эламского типа"¹⁴¹. Обращавшийся к этой теме ранее М.С. Грушевский высказался менее определенно. Согласно ему, трипольская культура соответствовала эпохе индоевропейской языковой общности¹⁴². Б.А. Рыбаков склонялся к мысли о принадлежности трипольцев к индоиранской ветви индоевропейцев, а Д.Я. Телегин обосновывал их фракийскую этническую принадлежность¹⁴³.

В литературе высказана также точка зрения (М. Гимбутас), что оседлые земледельцы вообще не были индоевропейцами. Исследования Т.Г. Мовши трипольских статуэток как будто подтвердили выводы палеоантропологов о том, что среди носителей этой культуры преобладали люди средиземноморского и "арменоидного" типов¹⁴⁴.

¹⁴¹ Щербаковский В. Етнографічний тип українця. — Прага. 1971.

¹⁴² Грушевський М.С. Історія України-Руси. — К., 1913. — Т.1. — С. 46.

¹⁴³ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М., 1981. — С. 212; Телегин Д.Я. Про роль носіїв неолітичних культур дніпро-дніпровського регіону в етногенетичних процесах: балти і слов'яни // Археологія. — 1996. — № 1. — С. 35—36.

¹⁴⁴ Мовша Т.Г. Нові дані про антропоморфну реалістичну пластику Трипілья // Археологія. — 1979. — № 11. — С. 3—21.

Как видим, проблемной является не только этногенетическая связь трипольцев со славянами или украинцами, но и современными им народами. Однако независимо от решения этого вопроса, вряд ли может быть сомнение в пришлое характере трипольцев на территории будущей Украины. О том, какой был их этногенетический статус, ассимиляторов или ассимилирующихся, можно сказать определенно: на стадии возникновения, развития и расцвета культуры они были ассимиляторами, на стадии упадка — ассимилирующимися.

В тесной связи с этническим определением населения территории Украины времени трипольской культуры находится проблема так называемой индоевропейской общности. С тех пор, как У. Джонс в 1786 г. показал близость индоевропейских языков, исследователи мучительно пытаются ответить на главный вопрос, где же находилась общая индоевропейская прародина. Оказалось, что средствами только археологии решить его чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Ни на одном из нео-энеолитических этапов развития материальная культура не представляла собой монолитного единства, которое бы четко очерчивало конкретную общность. На основании изучения совокупности признаков, в том числе и связанных с хозяйственной деятельностью древних людей, исследователи приходили к разным выводам. Одни отводили для индоевропейской общности пространство всей Восточной Европы (от Урала до Карпат), другие ограничивали территорию ее обитания Днпром на западе и Уралом на востоке ¹⁴⁵, третьи полагали, что она занимала пространство от Волги до Рейна.

Многие исследователи предлагали и более узкие границы этой общности, причем размещали их на самых разных территориях Евразии — от Индии до Западной Европы. В давних традициях германской историографии является отождествление индоевропейской общности с индогерманской и размещения ее между Рейном и Вислой ¹⁴⁶. Лингвисты Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов пришли к выводу, что индоевропейцы первично обитали на Армянском взгорье ¹⁴⁷, лингвист О.Н. Трубачев и археолог В.А. Сафронов настаивали на балкано-южно-украинской их прародине ¹⁴⁸. Известный английский индоевропеист

¹⁴⁵ Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит восточноевропейской степи. — Куйбышев, 1985. — С. 28—39.

¹⁴⁶ Kossina G. Die Indogermanen. — Ein Abriss / Das Indogermanische Urvolk. — Leipzig, 1921.

¹⁴⁷ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984. — Т. 1 — С. 889.

¹⁴⁸ Трубачев О.Н. Этногенез и культура славян. Лингвистические исследования. — М., 1991; Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. — Горький, 1989.

Дж.П. Меллори, долгое время последовательно отстаивавший "степную" концепцию происхождения индоевропейцев, теперь склонен располагать их прародину в Анатолии.

Разумеется, такой разброс мнений археологов, лингвистов, этнологов и даже философов не свидетельствует о том, что они четко представляли себе искомое явление. Как можно утверждать о существовании этнокультурного единства и даже языковой общности на пространстве от Урала до Карпат или от Волги до Рейна? На чем держалась эта необозримая нео-энеолитическая общность? На единстве экономического развития? Но учитывая огромные пространства и их ландшафтные различия, такого не могло быть. На государственно-политических связях? Но их также не было.

Предпочтительнее выглядят концепции, обосновывающие прародину индоевропейцев в более узких границах, но и в этом случае возникает множество вопросов. Прежде всего, по поводу критериев выделения. Ведь совершенно очевидно, что они разные, коль скоро исследователи пришли к взаимоисключающим выводам. Это, в свою очередь, указывает на то, что предметом поиска является не объективно существовавшая реальность, а воображенная, родившаяся в головах исследователей, пытавшихся объяснить некоторые параллелизмы в современных индоевропейских языках. Однако даже, если бы все дружно согласилось с одной из малых индоевропейских прародин, неизбежно пришлось бы отвечать на вопрос о ее демографическом потенциале. Ведь невозможно себе представить, чтобы население Армянского плоскогорья, Висло-Рейнского региона или Балкан было в состоянии заселить едва ли не половину евразийского континента.

Независимо от того, принадлежала ли какая-то часть современной Украины к территории индоевропейской общности, определенно можно сказать, что ее населяли в энеолитическое время не только индоевропейцы, но и средиземноморцы *, а также прафинно-угры. С последними исследователи уверенно связывают археологическую культуру ямочно-гребенчатой керамики ¹⁴⁹. По существу, имеем три различных этнокультурных и хозяйственных мира: охотники и рыболовы в полесских регионах, земледельцы и скотоводы — в лесостепных, а кочевые скотоводы — в степных.

* В последнее время некоторые языковеды склонны относить к семье индоевропейских также языки народов Средиземноморья, Кавказа и Малой Азии. (См.: Телегин Д.Я., Конча С.В. Про актуальність вивчення давніх пам'яток України в контексті індоєвропейської проблематики // Археологія. — 2006. — № 3. — С. 111—114.

¹⁴⁹ Телегин Д.Я. Про роль носіїв... — С. 35.

Не меньшей этнокультурной пестротой характеризовалось население территории Украины и в бронзовую эпоху (конец III тыс. до н. э. — нач. I тыс. до н. э.), с тем лишь различием, что большинство ее культур, а следовательно, и их создателей имели восточное происхождение. К первому этапу бронзового века относится ямная археологическая культура или, как ее еще называют, культурно-историческая общность, носителей которой археологи отождествляют с индоиранцами. Базовой территорией обитания "ямных" племен была степная и лесостепная зоны между Волгой и Днепром. На территории Украины они занимали пространство от Крыма на юге до Киевского Полесья на севере¹⁵⁰. Волинь и Прикарпатье населяли носители культур шаровидных амфор¹⁵¹. По своему происхождению эта культура западная, сформировавшаяся восточнее территории Северной Германии и Великопольши. На юге Украины и в Крыму обитали племена кеми-обинской культуры.

Исследователи уже давно обратили внимание на феномен встречи культур раннего бронзового века в Киевском Поднепровье. Об этом свидетельствует не только археология, но и гидронимика этого региона. Здесь зафиксированы названия славянские, иранские, иллирийские, балтские и германские. Сомнительно, чтобы все они своим происхождением были обязаны только племенам раннего бронзового века, но какая-то их часть, видимо, относится и к этому времени.

Средний этап эпохи бронзы в пределах Украины характеризуется катакомбной культурой, которая на своем позднем этапе делится на целый ряд более мелких родственных культур. В археологической литературе они получили названия по местонахождению памятников: ингульская, донецкая, среднеднепровская и др.

Именно к этому периоду некоторые лингвисты относят так называемую арийскую общность, якобы образовавшуюся после распада индоевропейской. Согласно В.Н. Абаеву, это могло произойти еще в III тыс. до н. э., а во II арийцы разделились на индоиранцев и индоариев¹⁵². Разумеется, твердых и неопровержимых данных для датировки индоарийской гидро- и топонимики, обнаруженной преимущественно в регионе Причерноморья, Приазовья и Прикубанья, у исследователей нет.

¹⁵⁰ Етична історія давньої України. — К., 2000. — С. 32; Мерперт Н.Я. Энеолит степной полосы Европейской части СССР. — Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen. — Praha, 1961. — С. 172—173.

¹⁵¹ Свешников И.К. Культура шаровидных амфор //САИ. — М., 1983. — Вып. 3. — С. 1—27.

¹⁵² Абаев В.Н. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. — Древний Восток и Античный мир. — М., 1972. — С. 36.

Нет и согласия между ними. О.Н. Трубачев относил появление этих гидронимов к скифо-сарматскому времени, а Э.А. Грантовский и Д.С. Раевский полагали, что они могли возникнуть еще во времена распада арийской общности¹⁵³.

Безусловно, точная датировка слоя индоарийской гидронимики имеет определяющее значение для хронологии индоарийства, но лишь опосредованное — для выявления его этнокультурного содержания и отношения к последующим этапам этногенеза в пределах Украины. Как известно, некоторые современные исследователи (одни по незнанию, другие из-за склонности к мистификациям) провели прямую и непрерывную линию этноразвития от древних ариев до нынешних украинцев. Несостоятельность их рассуждений убедительно показана В.В. Отрощенко, что избавляет автора от дополнительного критического разбора этих эпатажных откровений.¹⁵⁴

По сути, следует сказать, что даже если бы и удалось доказать, что прародиной древних ариев была территория современной Украины, видеть в них непосредственных предков украинцев и даже славян невозможно. Во-первых, между второй половиной III — началом II тыс. до н. э. на указанной территории неоднократно происходила смена населения, поэтому определить удельный вес древних ариев в последующих этногенетических преобразованиях практически невозможно. Во-вторых, древние арии были кочевыми скотоводами и, естественно, не могут рассматриваться в качестве предков славян-земледельцев. По остроумному замечанию В.В. Отрощенко, отношение ариев с праславянами, если об этом вообще можно говорить, могли бы напоминать взаимоотношения татар с украинцами времен казачества¹⁵⁵. Третьим и, пожалуй, главным аргументом против сближения ариев с праславянами является то, что последние в это время еще находились в состоянии неразделенной германобалто-славянской языковой общности и были создателями не катакомбной культуры, а культуры шнуровой керамики. Она распространилась на огромных пространствах лесной и частично лесостепной зон от верхней Волги до Северной Германии.

Самое раннее, когда можно говорить о праславянах, это эпоха от XVII—XVI по X в. до н. э. Однако и в это время этнокультурный ландшафт Украины представлял собой пеструю

¹⁵³ Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства: индоарийцы в северном Причерноморье // Вопросы языкознания. — 1977. — № 6; Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязыческом и "индоарийском" населении Северного Причерноморья в античную эпоху. — Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. — М., 1984.

¹⁵⁴ Етнічна історія... — С. 35—36.

¹⁵⁵ Там же.

картину. На юге продолжали обитать кочевые индоиранцы, на востоке — прафинно-угры, на западе — фракийско-иллирийские племена. И только на севере современной Украины и юге Белоруссии исследователи помещают праславян. Как полагает С.С. Березанская, в это время праславяне входили в праславяно-балтскую языковую общность и были создателями тшинецко-комаровской археологической культуры¹⁵⁶. По своему хозяйственному укладу тшинецко-комаровцы были земледельцами и скотоводами. Основные элементы их материальной культуры — тюльпановидные горшки и грунтовые трупопожжения — перекликаются с раннесредневековыми славянскими древностями той же территории.

С праславянами исследователи связывают и создателей белогрудовской археологической культуры финального этапа бронзового века, которые обитали на тех же территориях, что и их предшественники — племена тшинецкой и комаровской культур. Не исключено, что здесь мы имеем дело с тем же населением, но на более поздней стадии развития. Об этом, в частности, свидетельствует весь комплекс материальной культуры, в целом близкий к тшинецко-комаровским древностям¹⁵⁷.

Археологические наблюдения как будто находят подтверждение и в исследованиях лингвистов. Практически все они видят возможность поиска следов праславян в древностях II тыс. до н. э. Б.В. Горнунг не разделял вывод об исконности балто-славянского языкового единства, утверждая, что "отпадение протославян от юго-восточной индоевропейской зоны произошло уже на рубеже III и II тыс. до н. э.". Сходные языковые черты славян и балтов он объяснял их длительным взаимодействием в эпоху Средневековья, продолжавшимся с V—VI вв. н. э. до эпохи Великого княжества Литовского¹⁵⁸.

Относительно древней прародины славян мнения лингвистов разошлись. Одни (преимущественно польские ученые) полагали, что она находилась между Вислой и Одером, другие — отдавали предпочтение Среднеднепровскому региону. Ф.П. Филин придерживался, в целом, второй концепции, несколько расширяя границы "Среднеднепровской прародины" от среднего течения Днепра до Западного Буга¹⁵⁹. О.Н. Трубачев счи-

¹⁵⁶ Березанская С.С. Средний период бронзового века в Северной Украине. — К., 1972.

¹⁵⁷ Березанская С.С. Белогрудовская культура // Археология Украинской ССР. — 1985. — Т. I. — С. 499—512.

¹⁵⁸ Горнунг Б.В. Из предистории образования общеславянского языкового единства. — М., 1963.

¹⁵⁹ Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. — Л., 1972. — С. 16—17.

тал, что славянская "прародина", исходя из анализа гидронимов, локализуется между Днестром и верхним Днестром¹⁶⁰.

В свое время Ф.П. Филин сетовал на то, что "попытки археологов использовать лингвистические данные в общем похожи на неумелые партизанские разведки". Только язык "продолжает оставаться единственным бесспорным признаком определения этнической принадлежности древних племен и народностей"¹⁶¹. Однако его утверждение, что "чем дольше вглубь времен, тем труднее установить языковую принадлежность топонимов"¹⁶², вовсе не свидетельствует о том, что лингвисты самодостаточны в своих этногенетических построениях. Они осуществляют такие же "неумелые разведки" в стан археологии. Это правда, что археология восстанавливает прежде всего материальную культуру древнего населения, а не этническую его историю, но правдой является также и то, что не имея мы этих археологических исследований, задачи лингвистов были бы несравнимо труднее.

Поэтому не случайно, что археологи и палеолингвисты взаимно накладывают карты археологических культур и реконструируемых лингвистических территорий. Более совершенной методики в этногенетических исследованиях древних народов еще не придумано. Видимо, только применением такой методики можно объяснить то обстоятельство, что лингвисты в определении славянской прародины в эпоху бронзы не выходят за территориальные пределы тшинецко-комаровской археологической культуры.

Во времена бытования в лесостепной и полесской зонах Украины тшинецко-комаровской и белогрудовской культур степные ее территории были местом обитания племен срубной археологической культуры. По существу, речь может идти о большой историко-культурной общности, занимавшей степные пространства от Волги до Северного Причерноморья и Крыма и существовавшей в течение более 500 лет. За это время ее носители прошли путь от кочевого скотоводства до смешанного скотоводческо-земледельческого хозяйства. Относительно этнического облика этой общности исследователи согласно полагают, что он был иранским¹⁶³.

Кроме названных крупных этнических массивов, на территории будущей Украины проживали также фракийцы (Западная Украина), балты (северная часть Правобережной Украи-

¹⁶⁰ Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. — М., 1968.

¹⁶¹ Филин Ф.П. Происхождение... — С. 25.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Лесков О.М. Зрубна культура // Археологія Української РСР. — К., 1971. — Т. 1. — С. 431.

ны), а также протофинно-угры (северо-восточные регионы Левобережной Украины) ¹⁶⁴.

Казалось бы, новая историческая эпоха, отмеченная изобретением железа, не должна ставить перед исследователями этногенеза неразрешимых трудностей. Этнокультурное развитие этого периода характеризовалось эволюционными формами. Никаких природных или общественных катаклизмов, по сравнению с финальной стадией бронзового века, не произошло. Естественно — географические ниши остались прежними и можно предполагать, что и их обитатели оставались теми же. Праславянская прародина, как будто, определена.

Тем не менее проблемы остаются и в этом периоде. Как известно, в течение I тыс. до н. э. степной регион Украины, последовательно сменяя один другого, населяли три народа, названия которых зафиксированы в письменных источниках: киммерийцы, скифы и сарматы. Совместно с греческими колонистами Северного Причерноморья, появившимися здесь практически одновременно со скифами, они создали яркую материальную культуру, высшими достижениями которой были золотые и серебряные украшения.

Блеск этой культуры вполне логично порождает вопрос: какое отношение имеют к ней наши далекие предки? В историографии на него имеется два ответа: никакого и непосредственное. В последнее время, особенно в патриотических кругах украинской интеллигенции, преобладает второй ответ. Школьные и вузовские учебники, учебные пособия, не говоря уже о научно-популярных изданиях, называют скифов (как и киммерийцев, сарматов) древними украинцами или праукраинцами.

Существуют ли хоть какие-то основания для этого? Если иметь в виду собственно названные народы, ответ будет однозначно отрицательным. Археологические исследования показали, что материальная культура киммерийцев имеет генетическое родство со срубной культурой, а ее истоки находятся в Нижнем Поволжье ¹⁶⁵. В процессе сложения киммерийского этноса в нем принимали участие и другие группы населения, но также пришлого с востока — Южной Сибири и Северного Казахстана ¹⁶⁶. Этнически все они принадлежали к единому ираноязычному массиву, занимавшему в X — IX вв. до н. э. огромные пространства юга Евразии.

¹⁶⁴ Давня історія України. К., 1997. — Т. I. — С. 393—399.

¹⁶⁵ Тереножкин А. И. Киммерийцы. — К., 1978. — С. 211—212.

¹⁶⁶ Там же. — С. 204; Мурзин В. Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы северного Причерноморья. — К., 1987. — С. 12—19.

Еще более определенные свидетельства имеются о происхождении скифов. Древнегреческий историк Геродот размещал их прародину где-то восточнее Киммерийской земли. Затем под натиском другого кочевого народа — массагетов — они двинулись на запад и уничтожили киммерийцев. В реальной жизни речь может идти об ассимиляции, что подтверждается археологическими материалами, обнаруживающими киммерийские культурные традиции. Как и их предшественники, скифы принадлежали к ираноязычной семье народов ¹⁶⁷.

Сарматы заняли причерноморские степи на рубеже III — II вв. до н. э. Их прародиной считается степной регион между речья Волги и Дона, а также Прикубанье, где были известны мощные союзы племен — роксоланов, аорсов и сираков. Об их иранской этнокультурной принадлежности свидетельствуют не только археологические материалы, но также и письменные источники ¹⁶⁸.

Сказанное не позволяет не только утверждать, но даже и предполагать этническое родство славян (и украинцев) с кочевым ираноязычным миром, в том числе и скифами, что в наше время особенно распространено. Однако, кроме Скифии степной — ираноязычной и кочевой, была и другая Скифия — лесостепная, где, согласно Геродоту, жили сколоты, гелоны, невры и другие народы. По крайней мере, некоторые из них, те, что обитали в пределах лесостепного Правобережья, определенно были праславянами. Оба эти региона входили в раннегосударственное объединение, которое условно именуется Великой Скифией. Б.А. Рыбаков, предложивший наиболее полную и реалистичную реконструкцию этнографии Скифии, пришел к убедительному выводу, что все "группы земледельческих скифов Правобережья следует (вместе с неврами) отнести к праславянам" ¹⁶⁹.

Такой вывод вполне вписывается в концепцию лесостепной прародины славян, протянувшейся от среднего Днепра до Одера и надежно маркированной уже для эпохи средней бронзы тшинцево-комаровскими древностями ¹⁷⁰. В I тыс. до н. э. в этом регионе (в пределах Украины) бытовали культуры, близкие к чернолесской и генетически восходящие к позднебронзовому времени.

Казалось бы, по мере приближения к нынешнему времени этногенетическая ситуация должна быть яснее. Тем более, что

¹⁶⁷ Давня історія України. — К., 1998. — Т. 2 — С. 76—81.

¹⁶⁸ Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. — К., 1991. — С. 107.

¹⁶⁹ Рыбаков Б.А. Геродотовы Скифия. — М., 1979. — С. 185—194.

¹⁷⁰ Березанская С.С. Средний период... — Рис. 45 и 50 (карты).

мы располагаем не только археологическими, но и письменными источниками. Но трудности ожидают исследователей и здесь. Может только их преодоление стало более содержательным, чем это было в относительно более ранние эпохи. К тому же с определенного этапа, как полагают лингвисты, с VI в. н. э., мы можем уже говорить применительно к нашей территории не вообще о славянах, а о славянах восточных. Именно в VI в. н. э. началось языковое и культурное разделение славянской общности, связанное с началом великого расселения славян.

Изучение этногенетических процессов второй половины I тыс. н. э. в пределах Украины обнаруживает любопытное явление: отсутствие этнической чистоты и единообразия. Согласно летописцу Нестору, здесь проживали в предгосударственное время три группы племенных союзов: поляне, древляне и северяне — в Среднем Поднепровье; воляныне, бужане, дулебы — в верховьях Западного Буга, Днестра и Горыни; уличи, тиверцы и белые хорваты — в бассейнах Южного Буга, Днестра, а также в карпатском регионе.

Исследования материалов могильников этих регионов обнаружили довольно пеструю антропологическую картину. На Левобережье Днепра прослеживается два этнических компонента: собственно славянский и аланский, характерный для населения салтовской археологической культуры VII — VIII вв. На Правобережье, в границах расселения древлян и волянян, имеют место достаточно выразительные балтские антропологические признаки. Южные группы восточнославянского правобережного населения — уличи и тиверцы — не обнаруживают наследственных черт предшествующего им черняховского населения, что свидетельствует о сложении их на ином субстрате и относительно позднем заселении исторических территорий.

В целом антропологи выделяют для славянского населения догосударственного и раннегосударственного периодов на территории Украины по меньшей мере четыре морфологических варианта, которые указывают на то, что в сложных этногенетических процессах здесь принимали участие как славянские, так и неславянские народы¹⁷¹. Если прибавить к этому еще и монголоидные черты, отчетливо проступающие в антропологических материалах южнорусских земель, а также слабо улавливающиеся тюркские элементы, то говорить о какой-то этнической (понимаемой чуть ли не биологически) однород-

¹⁷¹ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. — М., 1973. — С. 67; Сегеда С. П. Деякі питання походження та етнічної історії населення Русі-України за даними антропології // *Ruthenica*. — К., 2002. — Т. 1. — С. 89—104.

ности населения Южной Руси просто не приходится. К тому же, практически все эти антропологические элементы имеют продолжение далеко за пределами южнорусских земель.

Некоторые восточнославянские союзы племен даже названием своим обязаны неславянским (или западнославянским) предшественникам. К примеру, северяне получили свое название от иранского этнонима "seu", что значит "черный"¹⁷². Наблюдение за распространением гидронимов и волынцевской археологической культуры показывает практически полное территориальное их совпадение. Исходя из того, что многие черты этой культуры имеют аналогии в салтовских древностях, исследователи пришли к обоснованному выводу об участии в этногенезе северян алано-болгарского населения. По мнению В.П. Алексеева, черепа славян Днепровского Левобережья имеют родственные черты с черепами Салтовского могильника¹⁷³.

Этноним "тиверцы", как полагали А.А. Шахматов, М. Фасмер и др., произведен от античного названия Днестра — Тирас и появился еще в пору славяно-сарматских контактов. Название "уличи", как будто славянское, по предположению О.Н. Трубачева, отражает тюркскую его передачу. М.К. Любавский полагал, что тюрки-кочевники даже смешивались с уличами. Название юго-западных "племен" указывает на их невостоčno-славянское происхождение. Хорваты, по мнению ряда исследователей, получили свое название во времена существования Антского союза посредством ассимиляции славянами ираноязычного населения¹⁷⁴.

Подводя итоги анализа этнической ситуации в среде восточных славян на предгосударственном этапе их развития, приходится признать, что практически ни в одном регионе она не была стерильно чистой. Кроме восточных славян, участниками этногенетических процессов на огромном восточнославянском пространстве были ирано- и тюркоязычные племена в южном и западном регионах; западные славяне, балты и финно-угры — в западном и северо-восточном. В одних случаях речь может идти о более ранних субстратных иноэтнических компонентах, которые к VIII — IX вв. уже в значительной мере растворились в славянских, в других — об ассимиляционных процессах, осуществлявшихся уже, так сказать, на глазах истории.

¹⁷² Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М., 1962. — С. 226, 229—280.

¹⁷³ Алексеев В.П. Антропология Салтівського могильника // МАУ. — К., 1962. — Вип. 2. — С. 88.

¹⁷⁴ Подробнее см.: Толочко П.П. Древнерусская народность. — СПб., 2005. — С. 71—80.

В методологическом отношении значительный интерес представляет анализ летописных "племенных" названий, выполненный Б.А. Рыбаковым. Он обратил внимание на то, что там, где во времена Геродота размещались земледельцы — сколоты, в древнерусское — племена, названия которых заканчиваются на "—ане", "—яне": поляне, древляне, воляныне, бужане. Названия на "—ичи", "—ици" — дреговичи, кривичи, радимичи, вятичи, уличи — более поздние и фиксируют время расселения славян. Аналогичную картину историк видел и на примере западных славян. Архаическая группа названий на "—ане", "—яне" (поляне, мазовшане, стодоряне, лужичане, миличане, украине) фиксируется на территории древнего тшинецкого ареала, а названия на "—ичи", "—ици" (бодричи, лютичи, шкудичи) — за его пределами¹⁷⁵.

Полную корреляцию между "археологической прародиной" славян и устойчивой традицией называть союзы племен именами, оканчивающимися на "—ане", "—яне" несколько дискредитирует то обстоятельство, что точно такую же картину мы имеем и в регионе южнее Дуная, и на Балканах. Названия на "—яне" и на "—ити" встречаются там чересполосно. Как известно, Балканы не принадлежат к прародине славян. По логике Б.А. Рыбакова, там должны были бы присутствовать только вторичные, так называемые, патронимические названия. В пользу такого наблюдения, как полагал Б.А. Рыбаков, свидетельствует то, что старые формы на новых землях встречаются, но новые на старых — никогда¹⁷⁶.

Сказанное выше убеждает, что продуктивное исследование этногенеза невозможно без комплексного анализа всех культурно-исторических явлений на всех этапах истории древних обществ. Выборочное акцентирование исследовательского внимания только на вершинных достижениях, какими несомненно были трипольская, скифская или черняховская археологические культуры, без учета синхронных, хотя и не столь ярких культурных явлений, заведомо не может принести желаемого результата. При этом необходимо постоянно иметь ввиду, что современные государственные границы Украины, как и других государств, ни к чему не обязывают ни древние народы, ни современных исследователей. Древние народы жили по своим законам и, разумеется, не "вписывались" в территориальные пределы позднейших государственных образований.

По отношению к Украине это предостережение имеет особый смысл, поскольку в нынешних границах она является до-

¹⁷⁵ Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. — С. 219—221.

¹⁷⁶ Там же. — С. 222.

вольно поздним образованием. Степная ее часть вплоть до конца XVIII в. не была не только украинской, но и вообще славянской. Со времен ранней бронзы и до позднего средневековья здесь полновластными хозяевами были кочевые народы. Конечно, они взаимодействовали с оседлым земледельческим миром, оказывали на него определенное культурное влияние, но их участие в этногенезе лесостепного населения было крайне ограниченным.

Разумеется, чрезвычайно важно в исследовании этногенеза древнего населения учитывать не только горизонтальные явления, которые далеко не всегда имели непосредственную связь одно с другим, но и вертикальные. При таком подходе непременно обнаружатся определенные стадийные закономерности развития, в соответствии с которыми каждое последующее историко-культурное явление, так или иначе, выступает как результат предыдущего.

Сказанное, конечно же, не означает, что автор утверждает неизменную и непрерывную эволюционность в этнокультурном развитии. В свое время против такого понимания исторического процесса решительно выступал А.Н. Гумилев. "Мы, люди XX в., — писал он, — так привыкли к эволюционной теории, что дискретность (разрывность) исторических процессов нами не воспринимается. В наше время кажется, что русские происходят если не от питекантропов, то как минимум от скифов, конечно пахарей, а древние русичи XII в. совсем свои, вроде двоюродных дедов"¹⁷⁷. В качестве еще одного примера такого понимания исторического развития он приводит взгляды Н.И. Костомарова, считавшего "украинский народ если не вечным, то очень древним и всегда не похожим на великороссов"¹⁷⁸.

Этот упрек не по адресу. Он более справедлив по отношению к М.С. Грушевскому и, особенно, его последователям. Надо сказать, что подобных крайностей не избежала и российская историография. Достаточно вспомнить теорию о российской этнической основе Киевской Руси, активным проводником которой был М.П. Погодин.

Говоря о дискретности исторических, а следовательно, и этнических процессов, А.Н. Гумилев иллюстрирует свой тезис частой сменой народов Восточной Европы в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.: "С VIII до III вв. до н. э. здесь господствовали скифы, уничтоженные сарматами. С III в. до н. э. по IV в. н. э. — хозяевами степей восточнее Дона были сарматы, Правобережьем

¹⁷⁷ Гумилев А.Н. Древняя Русь... — С. 315.

¹⁷⁸ Там же. — С. 319.

Днепра овладели готы. Затем на смену тем и другим пришли гунны" ¹⁷⁹.

Пример этот показателен не только для констатации дискретности исторического процесса, но также и для определения механизма так называемых надломов этносов. Выше уже говорилось о том, что Л.Н. Гумилев отводил для их жизни 1,5 тыс. лет, правда оговаривался, что в случае нарушения нормального хода этногенеза этот срок мог быть и иным. При этом он утверждал, что этнос целиком обязан своим рождением внутреннему пассионарному толчку и подвержен тем же законам развития, что и индивидуум. Развивается, переживает стадию расцвета, затем угасает и, в конце-концов, входит в мемориальное состояние, сохраняя лишь память о своей исторической традиции ¹⁸⁰.

В принципе, этот вывод, к которому еще раньше пришли О. Шпенглер, сравнивавший цивилизации с организмом, а также А.Дж. Тойнби, полагавший, что основным двигателем общества является так называемое творческое меньшинство, не может быть оспорен. Неприятие, как всегда, вызывает лишь его абсолютизация *.

Во-первых, история, если только не прибегать к насилию над ней (что, к сожалению, Л.Н. Гумилев делал постоянно) не демонстрирует нам мистических 1500-летних циклов в жизни этносов. Приведенный выше пример их смены в Восточной Европе в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. показывает, что за те же полторы тысячи лет, которые Л.Н. Гумилев отводил для одного этноса, в этом регионе их сменилось четыре.

Не подтверждает такой продолжительности жизни и пример с восточнославянским этносом. Даже если объединить в один два этноса — восточнославянский и древнерусский — получается не многим более тысячи лет. Однако такое объединение вряд ли корректно. После распада общеславянского единства, которое относится к VI в., восточные славяне представляли собой совокупность союзов племен, хотя и родственных по языку и культуре, но все же отдельных этносоциальных орга-

¹⁷⁹ Там же. — С. 25.

¹⁸⁰ Там же. — С. 14—17.

* В журнале "Этнографическое обозрение" № 3 за 2006 г. теория этногенеза Л.Н. Гумилева подвергнута серьезной, хотя и несколько запоздалой, научной критике. Однако, как часто бывает в случаях массового прозрения, критики отвергли в творческом наследии Л.Н. Гумилева даже то, что есть в нем рационального. В том числе и теорию "пассионарности", которая, во-первых, не вполне оригинальная, а во-вторых, в отдельных своих звеньях не лишена здравого смысла. Разумеется, если не доводить ее до абсурда, что наблюдается у некоторых современных исследователей.

низмов. В IX — X вв. они консолидировались, выражаясь терминологией Л.Н. Гумилева, при помощи пассионарного толчка русов в единую народность. Во второй половине XIII — XIV вв. она прекратила свое существование, не прожив и 500 лет.

По существу, и Византийская империя, которая, видимо, послужила Л.Н. Гумилеву основанием для определения полуторатысячелетнего цикла жизни этноса, не просуществовала отведенного исследователем предельного срока¹⁸¹. Она потерпела крушение под ударами крестоносцев в 1204 г., не перешагнув и тысячелетний рубеж. Все, что было позже не являлось тождественным предшествующему. Однако если бы Византийская империя и просуществовала 1500 лет, она не могла бы служить иллюстрацией исторической длительности бытования этноса. Дело в том, что в ее границах проживали не только греки, но и многие другие этнические группы. По сути, Л.Н. Гумилев здесь подменил понятие "этнос" понятием "государство". Правда, в других случаях он считал возможным различать империю как социальную систему и этнический конгломерат ее составлявший¹⁸².

Вероятно, более продолжительными были сроки жизни этно-социальных образований в глубокой древности, но и там они не обязательно были 1500-летними. Трипольская, или кукутени-трипольская, культура просуществовала около 2000 лет, однако нет гарантий, что она отражала жизнь одного этноса. Близким к 1500-летнему был срок бытования культуры линейно-ленточной керамики, но здесь мы определенно имеем дело с этно-исторической полиэтнической общностью, а не единым этническим сообществом.

В свое время А.Дж. Тойнби отмечал, что "догматически твердить вслед за Шпенглером (мы можем добавить: и вслед за Л.Н. Гумилевым. — П.Т.), что каждому обществу предопределен срок существования, столь же глупо, как и требовать, чтобы каждая пьеса состояла из одинакового числа актов"¹⁸³.

Не следует абсолютизировать и утверждение об исключительно внутривидовом характере этногенеза. Ни один, или скажем менее категорично, редко какой этнос формировался, жил и умирал без "помощи" соседей. Столбовым путем этногенетического развития в древности был контактный, чаще конфронтационный, связанный с процессами ассимиляции, или даже физического истребления одного этноса другим. История не знает сослагательного наклонения и не корректно рас-

¹⁸¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1992. — С. 32.

¹⁸² Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. — Л., 1990. — С. 125.

¹⁸³ А.Дж. Тойнби. Постигание истории. — С. 305.

суждать на тему "что было бы, если бы". Вместе с тем мы определенно знаем, что многие этно-социальные сообщества, в том числе и достигшие цивилизационного уровня развития, погибли под натиском внешних сил.

Потратив много красноречия на доказательства того, что гибель Руси "произошла не по вине злых соседей, а вследствие естественного процесса — старения этнической системы или пассионарного напряжения" ¹⁸⁴, А.Н. Гумилев затем сделал прямо противоположное заключение: "Железный натиск Запада и неожиданный ураган с Востока столкнулись на территории Киевской державы, и она перестала существовать". Таких "натисков и ураганов" в истории было бесконечное множество. Это они прекратили существование Антского союза, Римской и Византийской империй, Хазарского каганата и других сообществ. Наверное в том, что они не выдержали испытаний, повинны не только "злые соседи", но ведь и они тоже. И вряд ли корректно, как это делал А.Н. Гумилев на примере взаимоотношений Руси и монголо-татар, обвинять жертву только на том основании, что она оказалась слабее агрессора *.

Фундаментальной категорией в исследовании археологических древностей является "археологическая культура", выделенная на основании совокупности характерных признаков вещевого комплекса **. Разумеется, это не объективная историческая данность, а субъективное исследовательское ее восприятие, однако, учитывая вклад многих поколений археологов в постижение материального комплекса тех или иных архео-

¹⁸⁴ Гумилев А.Н. Древняя Русь... — С. 342.

* Подобных пассажей, где А.Н. Гумилев откровенно занимает сторону палача, а не жертвы, в его работах великое множество. Видимо, поэтому некоторые исследователи (Ю.В. Бромлей, Л.С. Клейн, В.А. Шнирельман и др.) видели в его концепции существенный моральный изъян.

** Понятие "археологическая культура" впервые было введено в научный оборот западноевропейскими археологами. Вначале как инструмент систематизации археологических источников, а затем и как социологическая категория. Последнее в большей мере характерно для отечественной археологии. Как полагал В.Ф. Генинг, в этом понятии слово "культура" не совсем удачно, его лучше было бы заменить на "провинция", "область", "регион". К тому же, в археологии этим термином обозначаются различные понятия. (Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. К., 1983. — С.32). Разумеется, всякая терминология условна, но определение "археологическая культура" выдержало испытание временем. Оно обозначает культурное своеобразие археологических находок на определенной территории и для конкретного хронологического периода. Слово "культура" здесь следует понимать не в узком его значении, а в широком, как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных тем или иным сообществом в процессе его жизнедеятельности.

логических культур, восприятие это постоянно объективизируется. По существу, каждая археологическая культура отражает стадиальную или региональную динамику изменений вещного мира.

А.С. Клейн, посвятивший понятию "археологическая культура" специальное исследование, не согласен со сказанным выше. Как может быть "археологическая культура" подвержена определенным закономерностям в своем формировании и развитии, вопрошает он, "ведь она же мертвая"¹⁸⁵. Разумеется, мертвая, но в таком же положении находятся и древние цивилизации. Они тоже "мертвые", тем не менее исследователи не только изучают их в динамике исторического процесса, но и понимают как результат деятельности конкретных обществ. Чем же "археологические культуры" отличаются в этом плане от цивилизаций? Пытаясь изучить их в динамике развития, исследователи реконструируют, пусть и в относительном приближении, их прошлое "живое" состояние, а не только нынешнее "мертвое".

Эти культуры создавали конкретные общества. Теоретически, чем монолитнее культура, тем больше оснований предполагать, что она является продуктом жизнедеятельности одного этно-социального коллектива. Однако такое совпадение было скорее исключением, нежели правилом. Чаще всего археологическая культура отражает жизнь нескольких родственных этносов, а возможно, и не родственных. Совершенно очевидно, что в пределах огромных территорий, на которых зафиксированы такие культуры, как линейно-ленточной керамики, трипольская, катакомбная или черняховская, не мог обитать только один этнос. В случае с черняховской культурой мы можем утверждать это не только на основании наличия в ней региональных этнокультурных особенностей, но и на основании письменных свидетельств. Для более древних периодов более-менее надежным отражением этнической многокомпонентности культуры являются региональные различия вещевого инвентаря. Практически каждая из больших культур-стадий, делится на меньшие, в которых отразились этнографическая и временная специфика развития предметного мира.

В так называемое историческое время, запечатленное в письменных источниках, этно-социальные общества, будь-то цивилизации или государства, практически никогда не были представлены одним народом. Более того, во многих случаях эти образования не были едины и в духовно-культурном отно-

¹⁸⁵ Клейн А.С. Археологическая культура: теоретический анализ практики // Российская археология. — 1998. — № 1. — С. 190.

шении. Римо-католическая цивилизация охватывала множество европейских народов, которые к тому же принадлежали к различным вероисповедальным конфессиям: католической, протестантской, англиканской. В таком же положении находились православная, мусульманская и другие цивилизации. Исходя из сказанного, мы не можем не только утверждать, но даже и предполагать, что в дописьменный период истории этно-социальное и этно-культурное развитие осуществлялось в других формах.

Говоря о культурных процессах в древности, исследователи чаще всего отмечают явления диалога культур и цивилизаций. В действительности имеем больше примеров их монолога. Культурные явления, в том числе и достигшие цивилизационного уровня, на каждом этапе своего развития обнаруживают необычную, часто агрессивную активность по отношению к соседям. Уже их рождение сопряжено с исчезновением культурного разнообразия предшествующего времени. Носители этого культурного разнообразия, нередко, ассимилировались, а их культуры растворялись в одной, более высокой или господствовавшей в пределах историко-культурной общности. Одним из примеров сказанному может служить киеворусская культура, в горниле которой переплавились многие славянские культуры предшествующего времени, а также современные инородные.

Еще меньше оснований говорить о диалоге религий — важных составляющих элементов культуры. Они всегда были экспансивными, стремились к распространению своих догматов на новые земли и народы. Даже усваивая элементы своей предшественницы (или ровесницы), новая (другая) религия всегда стремится к ее отрицанию. Как известно, Русская православная церковь многое взяла от язычества, но как духовную систему на чисто его разрушила. Подтверждают сказанное примеры католических крестовых походов, на совести организаторов которых лежит разрушение византийской православной культуры и духовности, равно как и завоевания арабов, монголов, турок и др.

Мы как-то сжились с тем, что культурные новации на той или иной территории обязательно связаны с физическим проникновением туда их создателей. В большинстве случаев, наверное, так оно и было. Однако культура способна и к самораспространению, особенно в порубежных зонах, где различные этнические сообщества поддерживали разнообразные контакты. Как правило, в подобных ситуациях побеждала более развитая, а потому и более социально престижная культура. Особенно показательным примером этому может служить

черняховская археологическая культура, которая нередко квалифицируется как культура римских влияний.

В целом, есть все основания утверждать, что культурная мозаика, прослеживаемая археологами на разных исторических стадиях, является отражением этно-социального разнообразия древнего мира. Он постоянно находился в динамике. Одни этносы сходили с исторической арены, другие появлялись. Поэтому поиск предков-прародителей для современных народов может быть уделом любителей, но не профессиональных академических исследователей.

Тем не менее, признание дискретности этно-культурного развития не должно отрицать его историческую непрерывность и наследственность. Применяв генетический метод познания, мы непременно обнаружим определенные закономерности, в соответствии с которыми каждое последующее историко-культурное явление, так или иначе, выступает как результат предшествовавшего.

Этот вывод корректен и в случае признания большого удельного веса в истории древних народов миграционных процессов. Ведь трудно себе представить, чтобы они всякий раз приводили к полной смене населения, посредством выдавливания или истребления пришельцами. Какая-то его часть, пусть и в преобразованном этническом виде, продолжала жить на своих исконных землях. В особенности это справедливо по отношению к земледельцам лесостепной зоны Украины. Тем самым обеспечивалась непрерывность исторической памяти, передача новому населению жизнедеятельных традиций предшественников. Память эта фиксировалась также в топо- и гидрономии края. На каждом историческом этапе она пополнялась новым фондом названий, что не приводило к исчезновению старых, по крайней мере, полному. Большинство из древних названий дошло до наших дней. Филологи определяют среди них иранские, балтские, фракийские, тюркские, славянские. Одним из символов Украины является ее главная река Днепр, однако это название даже не славянское. Оно пришло к нам из глубины веков и, как полагают филологи, имеет ираноязычную корневую основу.

В течение многих тысячелетий разноэтничные народы на определенной территории создавали общий фонд исторической памяти в названиях, мифах, религиозных представлениях, элементах материальной культуры, которая продолжала жить даже и тогда, когда они сами сходили с исторической арены. При внимательном взгляде в прошлое обнаруживается, что ничто не исчезло бесследно, а перешло в будущее, пусть даже и незначительным своим элементом. Не обязательно в ближайшее,

иногда и в более отдаленное. В этом случае возможно говорить о своеобразных ренессансных явлениях.

Одним из примеров сказанному является феномен трипольской культуры, казалось бы исчезнувшей совершенно. Культуры бронзового века, непосредственно сменившие трипольскую на той же территории практически не обнаруживают заимствований, однако в дальнейшем отдельные элементы триполья проявляются вполне отчетливо. Причем не только на территории бытования этой яркой раннеземледельческой культуры.

В свое время Б.А. Рыбаков, посвятивший семантике трипольских орнаментальных мотивов ряд интересных работ, показал, что многие из них просуществовали в народном искусстве вплоть до славяно-русского времени¹⁸⁶. Доказать это, разумеется, сложно, но такое предположение не лишено вероятности. В пользу него говорит обнаружение определенной цикличности в развитии декоративной росписи в самой трипольской культуре. Осуществив семиотический анализ трипольско-кукутенских знаковых систем, Т.М. Ткачук обнаружил интересное явление: знаки, появившиеся на раннем этапе культуры и не имевшие своего продолжения на среднем, неожиданно возрождаются на заключительном. Это же происходило и с некоторыми формами трипольской керамики¹⁸⁷.

Подобные ренессансные явления наблюдаются и в более поздних периодах. Так, среди славянских языческих божеств присутствуют иранские, в частности Сенмурв, который обрел название Симаргла. Бесспорно, это тот же крылатый пес иранских мифов, который выступал посредником между небом и землей. Его изображение в древнерусское время находилось на серебряных браслетах — наручах, на каменных рельефах соборов. Зооморфные серебряные фибулы раннеславянского времени, древнерусские змеевики, колты перекликаются с элементами так называемого скифского звериного стиля.

Изучение керамического производства лесостепной зоны Украины обнаруживает наличие сходных форм, бытовавших в эпоху средней бронзы (среднеднепровская и тшинцево-комаровская культуры) и раннем средневековье (киевская и корчаковская культуры). Серолощенная керамика черняховской культуры имела свое продолжение в пеньковской (Пастырское, Вознесенка) культуре, а также позднем средневековье.

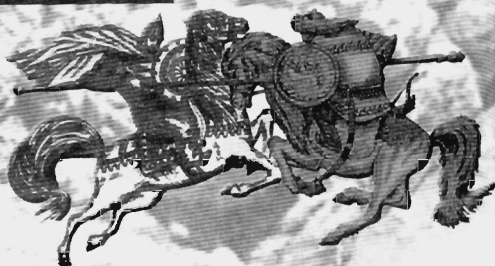
¹⁸⁶ Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев в энеолите // СЛ. — 1965. — № 1, № 2.; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

¹⁸⁷ Ткачук Т., Мельник Я. Семіотичний аналіз трипільсько-кукутенських знакових систем (мальований посуд). — Івано-Франківськ, 2000. — С. 205—226.

В заключение следует сказать, что несмотря на абсолютную бесперспективность поиска биологических прародителей современным народам в глубокой древности, тем более в их современной этно-культурной ипостаси, все они имеют непосредственное отношение к сложным процессам этно- и культурогенеза, происходившим в течение многих веков и тысячелетий.

Европейцы или азиаты?

Для интеллектуалов восточнославянского региона это извечный вопрос. В последнее время, особенно после развала Советского Союза и обретения восточнославянскими народами государственного суверенитета, он приобрел как бы второе дыхание. Особенно в Украине. От ответа на него, как кажется многим украинским национал-патриотам, зависит выбор Украины с кем ей быть. Не имея убедительных аргументов в пользу европейского выбора в современной украинской жизни, они ищут их в древней истории. По их мнению место Украины в Европейском Сообществе определено ее исконной принадлежностью к европейской цивилизационной общности.

Не убежден, что для вхождения Украины в объединенную Европу нам необходимо подтверждение своей исторической европейскости. От Болгарии или Венгрии, насколько известно, этого никто не требовал. Еще меньше оснований уповать на подобные аргументы вполне азиатской Турции, которая, тем не менее, уже стоит на пороге европейского дома.

Разумеется, географически Украина — европейская страна. Что же касается ее историко-культурного характера, здесь не все так однозначно. И как бы современные евроинтеграторы не пытались объявить украинцев "чистыми европейцами", их культурно-цивилизационная сущность от этого нисколько не изменится. Они останутся такими, какими сформировались в течение многотысячелетней эволюции.

Когда-то известный идеолог украинской государственности В. Лыпынский, пытаясь найти причины, которые в течение столетий мешали созданию украинского государства, одной из

главных считал именно украинское евразийство. При этом, граница между разными цивилизационными зонами, по его мнению, была не столько географическим, сколько духовным понятием. "Мы эту границу между Востоком и Западом, — писал он, — имеем в географически неопределенном состоянии на своей земле, и по нашему живому телу происходит все время передвижение этой подвижной границы, то дальше на Восток, то дальше на Запад" ¹⁸⁸.

Если принимать во внимание не литературную метафору, а реальный исторический процесс, то придется признать, что перед населением современной территории Украины в течение тысячелетий проблемы выбора между Востоком и Западом вообще не существовало. Учитывая географическое положение этой территории, она одновременно была и на Западе, и на Востоке. Во все исторические эпохи она представляла собой большое этно-культурное порубежье, или контактную зону, где встречались культуры и народы разных миров.

С одной стороны, это Восток, из которого периодически "выталкивались" в степные пространства будущей Украины большие массы людей, которые приходили сюда со своей культурой. С другой, Запад в широком значении этого слова — Греция, Рим, Византия, Скандинавия, культуры которых заметно влияли на историческое развитие варварских племен Восточной Европы, а затем и древнерусской народности.

Досадно, что на каждом этапе украинского возрождения эта очевидная историческая истина требует новых доказательств. При этом наблюдается удивительное постоянство интеллектуалов национал-патриотического толка всех времен в ее невосприятии. Они отчего-то уверовали, что Запад — это хорошо, а Восток — плохо, а если так, то его (Востока) и вовсе не было в жизни украинского народа. И это при том, что азиатский континент, как в прошлом, так и сегодня имеет образцы культурного развития наивысшего мирового уровня.

Классическим примером восточной по происхождению нации в Европе являются венгры, которые пришли на новые земли в IX в. из Южного Зауралья. К их чести они не только не комплексуют по поводу своего азиатского происхождения, но всегда подчеркивают это и пытаются отыскать свои корни. Конечно, в процессе более 1100-летнего проживания на новой родине венгерский этнос взаимодействовал со своими славянскими, немецкими и румынскими соседями, что не могло не сказаться на его культуре, в том числе и языке, который однако не подвергся коренным изменениям.

¹⁸⁸ Липинський В. Листи до братів-хліборобів. — Київ—Філадельфія. 1995. — С. 421.

Взаимодействие культур и их носителей — это естественный процесс, который на территории Украины происходил в течение всей ее истории. В отдельные периоды это приводило к особому подъему творческих сил того или иного этнообразования, порождало новые культурные феномены, не имевшие прямых аналогов в предшествовавших эпохах.

Одним из наиболее убедительных примеров такого развития может служить все та же трипольская культура. Ее создатели и носители были первыми земледельцами Украины, которые освоили плодородные лесостепные земли между Дунаем и Днепром, производили удивительно красивую расписную керамику. Изысканные орнаменты, оригинальная пластика, необыкновенные керамические формы свидетельствуют о высокой духовности трипольского населения, а огромные поселения, в которых проживало 10 — 12 тыс. человек, указывают на значительные достижения в его общественной организации.

Культура эта, о чем уже говорилось, распространилась вместе с ее носителями на территорию Украины из Восточного Средиземноморья и Балкан. Однако в процессе своего расселения трипольцы, отождествляемые исследователями с древними фракийцами, занимали не пустынные территории, а земли, где жило местное население, которое, так или иначе, интегрировалось в составе этой новой земледельческой общности, внося в ее культурное развитие и свои элементы.

Наряду с западным, точнее юго-западным, освоением будущей территории Украины в неолитическую эпоху имело место и восточное. Степное Днепровское Левобережье заселили племена, родственные населению Волго-Донского региона. Это кочевники-скотоводы, которые взаимодействовали с земледельческим трипольским населением. Трипольцы позаимствовали у кочевников культуру курганных захоронений, а сами, в свою очередь, передали им некоторые элементы своей культуры, в частности керамическую пластику, а также навыки земледелия¹⁸⁹.

Древности эпохи бронзы (конец III — конец II тыс. до н. э.) также свидетельствуют о двух переселенческих потоках, которые достигали пределов современной Украины. Как и в предшествующее время, степные пространства занимали кочевники-скотоводы, создавшие так называемую ямную культуру. Ее носители населяли огромные территории: от Зауралья до низовьев Дуная и от предгорий Кавказа до лесостепных районов Среднего Поднепровья¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Історія української культури. — К., 2001. — Т. I. — С. 180.

¹⁹⁰ Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. — М., 1974. — С. 152.

Высшим достижением населения ямной культурно-исторической общности была индустрия бронзы. Первые бронзовые изделия появились еще в IV тыс. до н. э. на территории южного Ирана, в Месопотамии, а затем, через Малую Азию и Восточное Средиземноморье распространились в другие регионы Азии и Европы.

Уникальным памятником этого периода является Михайловское поселение, представлявшее собой древнейшее оборонительное укрепление, раскинувшееся на площади 1,5 га. По предположению исследователей, это поселение, как и некоторые другие аналогичные ему, обнаруженные в Нижнем Поднепровье, было родоплеменным центром, где проживали представители племенной верхушки, а также ремесленники, занимавшиеся бронзолитейным производством¹⁹¹.

На следующем хронологическом этапе ямная культура сменялась катакомбной. Она занимала практически ту же территорию, и также была оставлена племенами большой культурно-исторической общности. Памятники катакомбников обнаружены на степных пространствах от Волги до Дуная. Особую категорию древностей этого времени представляют клады металлических изделий. Наиболее известный из них — Бородинский — содержал вещи, принадлежавшие племенной верхушке: серебряные наконечники копий, кинжал, булава с золотой инкрустацией, каменные булавы и нефритовые топоры. Аналогии этим вещам исследователи обнаруживают в древностях Сибири, а также Средиземноморья¹⁹².

Поздний этап бронзы на территории Украины представлен срубной и сабатиновской археологическими культурами. Территория распространения их памятников охватывает огромные степные и частично лесостепные пространства Восточной Европы от Урала до Левобережья Днепра.

Кроме культур, которые своим происхождением связаны с восточными регионами, на территории Украины были распространены и культуры, генетически восходящие к древностям западно- или североευропейским. Например, племена культуры шаровидных амфор были восточной периферией большой историко-культурной области, охватывавшей Германию, Польшу, Чехию, юго-западную Беларусь, северную Молдову и Румынию¹⁹³. На территории Закарпатья обнаружены памятники

¹⁹¹ Лагодовська О.Ф., Шапошнікова О.Т., Макаревич М.А. Михайлівське поселення. — К., 1962.

¹⁹² Кривцова-Гракова О.А. Бессарабский клад. — М., 1949.

¹⁹³ Свешников И.К. Культура шаровидных амфор // САИ. — 1983. — В. 1—27. — С. 1—27.

баденской культуры, распространенной также на территории Восточной Словакии и Северо-Восточной Венгрии.

Культуры шнуровой керамики, относящиеся к среднему этапу эпохи бронзы и распространенные в лесостепной и полесской зонах Украины, представляли собой восточный ареал европейских культур, охватывавших огромную территорию от Рейна до Волги и от Южной Скандинавии до Альп.

Как полагают исследователи бронзового века, эти две большие культурно-исторические области были населены различными этносами. Ареал шнуровых культур связывается с прагермано-балто-славянской общностью, а степные культуры — с индоиранской. Кроме них, на территории Украины проживали угро-финские племена (в северо-восточной части) и иллирийские (Волынь и Верхнее Приднестровье).

Аналогичными были этно-культурные процессы и в эпоху железа, начавшуюся в конце II — начале I тыс. до н. э. Степная зона, как и прежде, была местом проживания народов иранской языковой семьи: киммерийцев, скифов и сармат. Их большой родиной были бескрайние просторы евразийских степей — от Забайкалья до Дуная.

Первыми в причерноморских степях появились киммерийцы, затем их вытеснили скифы, пришедшие на Европейскую равнину из-за Аракса в VII в. до н. э. и, наконец, на рубеже III — II вв. до н. э. здесь появились сарматы.

Необычайная динамичность кочевой жизни и военная агрессивность по отношению к своим оседлым соседям в конечном итоге положительно сказывались на их культурном развитии. В частности, в результате активного взаимодействия скифского мира с античным образовалась необычайно яркая культура, аккумулировавшая так называемый звериный стиль ираноязычных народов и достижения античной цивилизации. Раскопки огромных курганов царских скифов обнаруживают прекрасные произведения искусства, изготовленные из цветных и драгоценных металлов. Они не целиком античные, поскольку наполнены элементами скифского звериного стиля, но и не совсем скифские, так как многие из них содержат изображения сцен из греческой мифологии. Условно эту синкретическую степную культуру VI — III вв. до н. э. можно назвать скифо-античной.

В сарматский период в степях Северного Причерноморья получает распространение так называемый звериный "бирюзово-золотой" стиль, генетически восходящий к среднеазиатскому и западносибирскому региону и впитавший влияния китайского искусства. Местом изготовления предметов "би-

рюзово-золотого" стиля исследователи называют Восточное Приаралье, Усунь или Кангой¹⁹⁴.

Во времена безраздельного господства в степном регионе ираноязычных кочевых народов в лесостепном и полесском проживали местные племена — наследники создателей культур позднебронзового века. Геродот называет их поименно: скифы-пахари, скифы-земледельцы, сколоты, гелоны, невры, будины и др. В предыдущем разделе уже говорилось, что среди этих племен определенно были и славяне.

Не может быть и малейшего сомнения, что эти два мира — кочевой и оседлый — находились в постоянном взаимодействии. Не исключено, что северные народы входили в так называемую Великую Скифию на правах федератов. В пользу этого как будто свидетельствует наличие в этом регионе больших укрепленных центров.

Некоторые из них, как Бельское городище, достигали огромных размеров, и без наличия раннегосударственной структуры вряд ли могли быть возведены. Вполне скифским выглядит и материальный комплекс таких городищ. Даже если предположить, что эти укрепления сооружались местным населением для защиты от скифских вторжений, что маловероятно, то и в этом случае вывод об их взаимодействии будет справедливым.

Подобной этнокультурная ситуация была и в сарматское время, продолжавшееся со II в. до н. э. по начало III в. н. э. С одной стороны, сарматские племена — аорсы, языги, роксоланы, аланы и др. — вошли в контакт с античными центрами Северного Причерноморья, над которыми осуществляли свой протекторат, с другой — стремились подчинить себе оседлые племена лесостепной зоны.

Как известно, беспокойные южные соседи вынудили славянских носителей зарубинецкой культуры оставить свои южные земли и отойти на северо-восток¹⁹⁵. Определенно с сарматским натиском на северных соседей следует связывать и появление у них укрепленных центров. Как показал Е.В. Максимов, практически все раннезарубинецкие поселения II — I вв. до н. э. в Среднем Приднепровье находятся на труднодоступных останцах плато или высоких мысовидных выступках по берегам

¹⁹⁴ Яценко С.А. Основные волны новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в до н. э. — III в. н. э. // Петербургский археологический вестник (ПАВ). — 1993. — Вып. 4. — С. 98.

¹⁹⁵ Шукин М.Е. О трех путях археологического потока предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // Археологический сборник Государственного Эрмитажа (АСГЭ). — 1987. — Вып. 28. — С. 109.

Днепра, Тясминя, Роси. Многие из них имеют искусственные укрепления¹⁹⁶.

В III в. н. э. Сарматия сама подверглась нашествию. В ее пределы с севера вторглись племена Готского союза: готы, гепиды, гегерулы и др., которые образовали в Нижнем Приднепровье государственное объединение, известное в истории как держава Германариха, в состав которой на правах федератов вошла и часть сарматских племен.

Как видим, в начале I тыс. н. э. этнокультурная карта будущей территории Украины представляла собой пеструю мозаику, составленную из ираноязычных, славянских и германских племен, греков, римлян, даков и фракийцев.

Во II — IV вв. н. э. под влиянием римских провинций на территории Украины сложилась яркая археологическая культура, которая в литературе получила название черняховской. Она, как когда-то трипольская, заняла лесостепные пространства от Нижнего Подунавья до среднего Днепра. Отличалась высоким уровнем гончарного производства, имела развитое стеклоделие, железоделание, ювелирное ремесло, знала тяжелый плуг, а следовательно, и высокую культуру хлебопашества. Находки римских монет, а также амфорной тары на черняховских поселениях указывают на наличие налаженных торговых связей носителей черняховской культуры с центрами Римской империи.

Кого считать творцом этой культуры? Безусловно, славян, — заявляют одни. Скорее всего, приоритет в создании черняховской культуры принадлежит готам, — возражают другие. Третьи не исключают участия в ее формировании поздних сармат. Правы, как это нередко бывает в таких случаях, одновременно все. В беспокойные времена большого переселения народов, когда через территорию Украины проходили разные племена: готы из европейского севера, сарматы из азиатского востока, — население черняховской культуры едва ли могло быть моноэтническим. Однако в лесостепном регионе ее памятники, бесспорно, принадлежат славянам, что убедительно показали в своих исследованиях Е.В. Махно, М.Ю. Брайчевский, В.Д. Баран, И.И. Винокур и др.

Угасание черняховской культуры приходится на конец IV — начало V вв. Обусловлено оно, с одной стороны, крушением Рима, с другой — опустошительным нашествием новых азиатских кочевников — гуннов. Уничтожив или ассимилировав позд-

¹⁹⁶ Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. — К., 1972. — С. 62 и сл.

них сарматов, а также вытеснив из Нижнего Приднепровья готов, гунны более чем на столетие стали полновластными хозяевами южнорусских степей. Они создали здесь государственное объединение, подчинившее остроготовов, гепидов, аланов, а также какую-то часть славян.

В VI в. гуннов, потерпевших сокрушительные поражения на Каталаунских полях (451 г.) и р. Недао (453 г.), сменили родственные им авары. По пути на Дунай они покорили болгарские племена утигуров и кутригуров, а затем и славян-антов, которые, согласно Иордану, жили между Днестром и Днепром и были сильнейшими среди славян¹⁹⁷. С антами исследователи уверенно связывают пеньковскую археологическую культуру, зафиксированную на территории лесостепного пограничья от Северного Донца до Нижнего Подунавья. Как свидетельствует Феофилакт Симокката, в 602 г. аварский каган направил против антов войско во главе с полководцем Апсихом, которое нанесло им поражение. После этого византийские историки больше не упоминают об антском объединении. О противостоянии восточных славян с аварами свидетельствует и древнерусская летопись. Во времена императора Ираклия (около 620 г.) они подчинили своей власти дулебов: "Си же обри воеваху на славѣнѣхъ, и примучиша дулѣбы, сущая словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбскимъ"¹⁹⁸.

Одновременно с антским, византийские авторы называют и склавинское славянское объединение, которое, по-видимому, надежно фиксируется корчакско-пражскими древностями. В VI — VIII вв. восточные славяне представляли собой большой народ, расселившийся на огромных пространствах лесостепной и полесской зон Восточной Европы. Расселение это было сопряжено с ассимиляцией многих неславянских народов: на северо-западе — балтских, на северо-востоке — финно-угорских, на юге — сармато-аланских и тюркских.

Еще одним кочевым народом, судьба которого в VII — VIII вв. тесно переплелась со славянами, в том числе и восточными, были болгары. Русские летописцы представляли себе их как часть хазарского сообщества, покинувшего прежние места обитания и ушедшего на Дунай. По пути на новую родину они сталкивались с восточными славянами и, как пишет летописец, были им "насильники"¹⁹⁹. Видимо, уже здесь начался процесс их славянизации. Не исключено, что переселенческий поток болгар втянул в себя и какую-то часть восточных славян, кото-

¹⁹⁷ Иордан. О происхождении и деяниях готов. — М., 1960. — С.72.

¹⁹⁸ Повесть временных лет. — М.—Л., 1950. — Ч.1. — С.14.

¹⁹⁹ Там же.

рые уже с VI в. освоили путь к дунайским границам Византии. Вероятно, одним из примеров славяно-болгарского симбиоза может быть Пастырское городище. Находится оно в ареале пеньковской культуры, но выделяется своеобразием археологического комплекса. В свое время М.И. Артамонов видел в этом центре ставку кутригурского хана, хотя и ничем не подкрепил свое предположение*.

В течение трех столетий восточным соседом славян, а затем и Киевской Руси, было Хазарское государство, объединявшее многие народы: собственно хазар, алан, болгар, буртасов, мадьяр, печенегов, марийцев. В даннической зависимости от них находились также некоторые восточнославянские племена: поляне, северяне, вятичи. Раннесредневековые авторы изображали хазар VII в. как полудиких кочевников и причисляли их к тюркской языковой семье. Сами хазары считали себя родственниками авар, гузов, болгар и савиров. По языку они сближались с болгарами. Ал Истархи, а также Ибн Хаукаль писали, что "язык болгар подобен языку хазар".

Народы, входившие в состав Хазарского каганата, создали в VII — X вв. яркую культуру, получившую название в научной литературе салтово-маяцкой. На окраинах хазарского владения обнаружен целый ряд памятников VII — VIII вв., этническая принадлежность которых до сих пор остается предметом острых дискуссий. Речь идет, главным образом, о кладках погребениях у села Малая Перещепина Полтавской области, у села Глодосы Кировоградской области, у села Мартыновка Черкасской области и ряде близких к ним памятников.

М.И. Артамонов связывал подобные археологические комплексы с хазарами, Д.Т. Березовец полагал, что они были оставлены народом "Рос", который имел непосредственное отношение к хазарам. И. Вернер и Ч. Балинт относили комплекс у с. Малая Перещепина к захоронению хана Великой Болгарии Куврата, который умер в 668 г. О.М. Приходнюк, на основании того, что большинство подобных памятников связывается с ареалами славянских культур — пеньковской и колочинской, относил их к захоронениям антской знати. Накоплены эти богатства, в значительной степени, и в результате военных походов антов на Балканы. Многие вещи этих кладов, прототипы

* Приходнюк О.М., посвятивший этому памятнику специальное монографическое исследование, пришел к выводу, что здесь мы имеем дело с восточнославянским торгово-ремесленным центром, основанным славянскими переселенцами из Подунавья. Отсюда и своеобразие его материальной культуры. Около середины VIII в. Пастырское укрепленное поселение было разгромлено хазарами. (См.: Приходнюк О.М. Пастырське городище. Київ—Чернівці, 2005).

которых находились в Подунавье, Крыму и Византии, были изготовлены местными приднепровскими мастерами. К ним относятся пальчатые и зооморфные фибулы, зооморфные и антропоморфные нашивные пластины.

Согласно ряду исследователей, в частности О. Прицаку и Ч. Балинту, западная граница Хазарского каганата проходила по Днепру и Южному Бугу. Убедительных доказательств в пользу этих утверждений нет. Как свидетельствует древнерусская летопись, к этим рубежам, вероятно, простиралась лишь временная хазарская юрисдикция, заключавшаяся в обладании правом сбора дани. К концу IX — первой половине X вв. это право перешло к Киеву, князья которого (Олег и Игорь) освободили от хазарской зависимости не только полян, но и северян, а также радимичей. Окончательно суверенитет Киева над всеми восточнославянскими землями был установлен только при князе Святославе, осуществившем на Хазарию победный поход в 965 г.

В литературе нередко можно встретить утверждение, что Хазарский каганат оказал исключительно благотворное влияние на культурное и государственно-политическое развитие восточных славян. Конечно, это преувеличение. Раскопки Киева и других восточнославянских центров показывают, что в их слоях содержатся лишь отдельные вещи хазарского происхождения, которые не оказали заметного влияния на местную восточнославянскую культуру. Более ощутимым оказалось влияние Хазарии на формирование экономических и политических структур восточных славян. Можно полагать, что раннерусская система двуумвирата на киевском столе была позаимствована от хазар. В целом же, государство Русь развивалось и крепло не столько под патронатом Хазарского каганата, сколько в постоянном противоборстве с ним.

В IX в. на восточных окраинах восточнославянского мира появились угры, или мадьяры. Происходили они из угро-финнской языковой семьи. Древней их прародиной были южнourальские степи. Путь на запад пролегал через Башкирию, Волгу и Дон, а далее в причерноморские степи. Какое-то время угры проживали по соседству с Хазарией, но затем под давлением печенегов откочевали в местность, получившую название Ателькуза. Продвигаясь на запад, союз венгерских племен сталкивался со славянами. Восточные авторы (Ибн Русте, Гардизи и др.) свидетельствуют о частых набегах венгров на земли славян, о захвате ими богатой добычи и пленных. Глухим отголоском этих отношений IX в. является, по-видимому, и свидетельство летописи о прохождении угров мимо Киева, а также об изгнании волохов и занятии их земель вместе с покоренны-

ми славянами: "Посемъ же угри прогнаша вольхи, и наслѣдиша землю ту и сѣдоша с словѣны, покориwше я под ся" ²⁰⁰. В цитированном тексте речь, вероятно, о том времени, когда под давлением тех же печенегов венгры вынуждены были оставить Ателькузу и уйти на Дунай.

Разумеется, русско-венгерские отношения IX в. не сводились только к военным столкновениям. Имели место и мирные отношения. Некоторые исследователи даже полагают, что киевский князь Аскольд поддерживал дружеские контакты с венгерским вождем Алмошем, правда, надежных данных для этого нет.

С конца IX в. хозяевами южнорусских степей стали печенеги. Свой путь на запад они начали из прикаспийских степей и Южного Приуралья. Этнически не представляли собой монолитного и чистого народа. В их союз, помимо тюркоязычных орд, входили и какие-то венгерские объединения. Как свидетельствовал Константин Багрянородный, страна Печенегия состояла из восьми фем (по-видимому, орд), из которых четыре были на левом берегу Днепра и четыре на правом. От Руси она отстоит на один день пути ²⁰¹. В русской летописи печенеги впервые упомянуты под 915 г., и с тех пор были беспокойными соседями Киевской державы вплоть до середины XI в.

Историческая память Руси зафиксировала преимущественно те события в русско-печенежских отношениях, которые имели драматические, а иногда и трагические проявления. Летопись сохранила сведения о двенадцати военных конфликтах между сторонами. Даже если предположить, что какая-то часть печенежских вторжений на Русь и русских ответных походов в степь не попала в поле зрения русских летописцев, то и тогда невозможно представить 150-летнюю историю русско-печенежских отношений как сплошное военное противостояние. Конечно, имели место и мирные отношения. Существует достаточно оснований для утверждения, что какая-то часть печенежских орд осела в южнорусском пограничье и приняла подданство Руси.

В начале XI в. на земли, занятые печенегами, массово хлынули кочевые орды торков, известных в византийских хрониках под именем узов, а в восточных сочинениях — гузов. Этнически они были родственны печенегам. Около середины XI в. вплотную приблизились к южным границам Руси. После крупного поражения в 1116 г. на р. Дон от своих сородичей половцев, торки обратились за покровительством к Руси и были рас-

²⁰⁰ ПВА. Ч. I. — С. 21.

²⁰¹ Багрянородный Константин. Об управлении империей. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. — М., 1989. — С. 155.

селены в южном и юго-восточном ее пограничье. Русские летописцы именуют их "своими погаными", в отличие от чужих, — половцев. За проживание в пределах Руси торки, которых чаще называли "черными клобуками", обязаны были нести сторожевую службу и принимать участие в антиполовецких походах русских дружин. Их административным центром был город Торческ в Поросье.

Проживание в пределах Киевской, Переяславской и Черниговской земель, нередко чересполосно с русичами, наложило отпечаток на экономику, культуру и быт торческих племен. От кочевого они переходили к оседлому образу жизни. Многие представители черноклобукской знати принимали православие и, возможно, именно необходимостью обращения их в христианскую веру было вызвано основание Юрьевской епископии. Постепенно они ассимилировались древнерусским этносом и стали его органической частью.

Вслед за торками в южнорусские степи переселились половцы. К 60-м годам XI в. они освоили огромные степные пространства протяженностью с востока на запад 2 тыс. км и с юга на север — 400 — 500 км. Вплоть до монголо-татарского нашествия они оставались беспокойными соседями Руси. Этнически эта огромная страна не была только половецкой. Здесь проживали и другие народы: аланы, яссы, хазары, гузы, косоги.

Летописи полны сообщений о половецких вторжениях на Русь и ответных походах русских дружин в степь. Как те, так и другие неизбежно были сопряжены с захватом большого числа пленников, которые уводились в степь и на Русь, где они растворялись в преобладающей этнической среде. Однако Русь и половцы не только воевали, но и поддерживали мирные отношения, в том числе и брачные. Разумеется, это были, как правило, дипломатические браки, оказывавшие заметное влияние не только на политические отношения двух стран, но и этнокультурные. Летопись упоминает десять случаев женитьбы русских князей на половчанках. Учитывая многодетность княжеских семей, можно предположить, что от этих смешанных браков могло родиться по меньшей мере 60 — 70 детей. Во втором колене их число достигало 300 — 350. В действительности этническое смешение русичей и половцев было более значительным. С половецкими принцессами на Русь прибывали и их молодые подруги, которые выходили замуж за представителей боярского окружения князей.

Можно уверенно утверждать, что русичи и половцы хорошо знали язык друг друга. В половецком словаре сохранились русские слова "изба", "печь", что касается русского языка, то в нем вообще очень много тюркизмов. Соседство с Русью не

могло не сказаться и на духовном развитии половцев. Начиная с XII в. многие из них принимали христианство. В отдельные периоды они обращались в новую веру целыми родами. В процессе длительного соседства русских и половцев происходило взаимное обогащение их материальных культур, о чем свидетельствуют археологические находки: русские — в степи, половцы — на древнерусских памятниках.

Существенное изменение в этно-культурное развитие Руси внесло монголо-татарское нашествие и продолжительное их господство над восточными славянами. Последние активно "окрашивались" в тюрко-монгольские тона. Происходило это не только посредством многочисленных внебрачных связей татарских воинов с русскими женщинами, но и через оседание части татар в южнорусском пограничье и их постепенную ассимиляцию. Из Лаврентьевской летописи нам известно о слободах татарского баскака Ахмата в Посемье, в которых, кроме татар, проживали, по-видимому, и русичи. В действительности таких татаро-славянских поселений в южнорусских землях было много, учитывая, что часть татар были христианами.

Разумеется, степень взаимных влияний монголо-татар и русичей не следует преувеличивать, но и не учитывать их наличия тоже нельзя. Со временем влияние монголо-татар, ставших соседями Южной Руси, а затем и Украины на многие столетия, на славянское, в том числе, и украинское население было более значительным. По сути, именно оно сформировало этнографический образ казака с его вышитой сорочкой, широкими шароварами, кривой саблей, бритой головой и длинными усами. И неслучайно в народном эпосе и живописи он получил название "казак Мамай".

Таким образом, из всего сказанного выше следует вполне объективный вывод о том, что во все времена культурно- и этногенез на современных землях Украины неизменно питался двумя мощными импульсами — европейским и азиатским. Это обуславливало синкретический характер культур, а также необычайную динамичность этногенетических преобразований. И как не было чистых культур, так не было и чистых этносов, а тем более единого и неизменного в течение тысячелетий. В этно-культурном отношении обитатели территории Украины всегда были евразийцами. Причем, выражаясь фигурально, граница между этими двумя культурно-историческими мирами проходила для них не по Уралу, а по Суле на Левобережье и Тясменю — на Правобережье *.

* См.: Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. — К., 1999.

**Исторический
марксизм и археология
(Вместо заключения)**

В ыше мы смогли убедиться как многие отечественные гуманитарии, главным образом вчерашние последовательные марксисты, пытаются покинуть давно обжитый и длительное время уютный для них корабль исторического материализма. Им кажется, что он дал течь и вот-вот уйдет в морскую пучину. Думается, это очередное их заблуждение. Перефразировав известное выражение классика мировой литературы, можно сказать, что слухи о смерти исторического марксизма сильно преувеличены.

Показательно, что среди "отступников" меньше всего археологов. Они не поддались новомодной конъюнктуре, как, впрочем, не были уличены в этом грехе и раньше, в пору всеобщего поклонения "единственно верному учению". Из археологов, пожалуй, только С.А. Клейн прибег к публичному отречению и покаянию, но вышло это у него не слишком убедительно. Особенно, если принять во внимание его прежние высказывания о настоятельной необходимости введения в археологию "современного марксистского представления о том, что такое научная теория" ²⁰². После крушения Советского Союза он стал утверждать, что его "самоидентификация оставалась марксистской только внешне и была настолько ограниченной, насколько это было допустимо, чтобы сохранить возможность работать в Университете" ²⁰³.

Вряд ли такую позицию можно считать слишком нравственной. Особенно, если учитывать большой авторитет А.С. Клейна как одного из ведущих теоретиков археологической науки в Советском Союзе. Ведь люди, следовавшие его призыву осваивать марксистскую теорию,

²⁰² Клейн А.С. Археологическая теория. — С. 9.

²⁰³ Клейн А.С. Введение в теоретическую археологию. — С. 34.

не могли знать, что исходит он от "внешнего" марксиста, проще сказать, человека только прикидывающегося марксистом.

Поразительно, но как когда-то у Л.С. Клейна было неполное приятие марксизма, так сегодня имеет место неполное отречение от него. Это следует из еще одного "чистосердечного" его признания. Оказывается, уход в область чистого археологического источниковедения был не чем иным, как протестом "против идеологизации и политизации археологии" ²⁰⁴. Не мог он смириться с тремя пороками марксизма: игнорированием биологической основы человеческой природы, предпочтением далекого будущего настоящему и фанатичности в достижении утопической цели.

В неприятии этих пороков можно к Л.С. Клейну и присоединиться, вот только не очень понятно, причем тут исторический марксизм. Ведь плохо предсказанное будущее (скорее, плохо реализованное) не является свидетельством плохо осмысленного прошлого. Ученый не только не показал этого, но, что самое удивительное, по существу согласился с марксистской теорией отражения. И вряд ли меняет дело его оговорка, что "в такой формулировке эта теория аккумулирует традиционные общие идеи материалистической философии и не противоречит здравому смыслу" ²⁰⁵.

Конечно, "аккумулирует" и, конечно же, "не противоречит". Но, в таком случае, не заслуживает и поношения. К тому же, признание марксистской теории отражения требует и иного взгляда на характер археологических источников. Согласно ей, они не только свидетели материального (вещного) мира прошлого, но одновременно и прошлой действительности: хозяйственного развития, социальных отношений, культурных традиций, этногенетических процессов, миграций и др.

Особенно примечательным в этом отношении может быть высказывание К. Маркса о вещах. "Каждая такая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического развития" ²⁰⁶.

Видимо, в этом кроется главная причина особой лояльности археологов к историческому марксизму. Они по роду своего занятия, по объекту исследования, являются естественными материалистами. Причем, были такими еще до возникновения марксистской теории познания исторического прошлого.

Выше уже шла речь о том, что марксистская историческая периодизация сущностно очень близка периодизации архео-

²⁰⁴ Там же. — С. 35.

²⁰⁵ Там же. — С. 112.

²⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. — С. 43—44.

логической. В первом случае в ее основе лежит способ производства, во втором — орудия труда. Принимая во внимание, что археологическая периодизация была создана раньше исторической, можно полагать, что при ее создании К. Маркс и Ф. Энгельс воспользовались достижениями археологической науки. В пользу этого свидетельствует то, что оба придавали особое значение для "изучения исчезнувших социально-экономических формаций" такой категории источников, как орудия труда²⁰⁷. Особенно показательными в этом плане являются суждения Ф. Энгельса, считавшего "седую древность" основой "всего позднейшего более высокого развития"²⁰⁸. Решающую роль в этом, согласно ему, играли именно орудия труда, которые осмысливались им всегда с точки зрения производительности труда и способности с их помощью создавать прибавочный продукт.

Открытие археологами для эпохи среднего каменного века такого величайшего изобретения как лук и стрелы, позволило Ф. Энгельсу сделать вывод о том, что это достижение обеспечило первобытные охотничьи коллективы постоянной мясной пищей²⁰⁹. Появление совершенных бронзовых предметов вооружения, согласно ему, изменили характер первобытных войн, которые с этого времени стали своеобразным "постоянным промыслом"²¹⁰. Эпоха железа, как полагал Ф. Энгельс, благодаря появлению орудий "такой твердости и остроты", с которыми не мог сравниться "ни один камень, ни один из других известных металлов", сделала "возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств"²¹¹.

Аналогичным было отношение к орудиям труда и К. Маркса. В его представлении они являлись показателем общественных отношений, при которых совершался труд. Согласно ему, о чем уже говорилось выше, "историческая наука, опирающаяся на концепцию материального производства, делит "доисторические времена" на соответствующие периоды, по материалу орудий и оружия"²¹².

Сказанное убедительно свидетельствует, что К. Маркс и Ф. Энгельс своим материалистическим пониманием древней истории и ее периодизационным членением, в значительной степени, обязаны именно археологии, в историческом содержании которой они не сомневались.

²⁰⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. — С. 191.

²⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. — С. 118.

²⁰⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. — С. 29.

²¹⁰ Там же. — С. 164.

²¹¹ Там же. — С. 163.

²¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 191.

Именной указатель

- Абаев В.Н. 66
 Алексеев В.П. 73
 Алексеева Т.И. 72
 Ал Истархи 93
 Артамонов М.И. 3, 48, 93
 Арциховский А.В. 3, 49, 54
 Багрянородный Константин 95
 Балинт Ч. 93, 94
 Баран В.Д. 91
 Беляшевский Н.Ф. 61
 Березанская С.С. 68, 71
 Березовец Д.Т. 93
 Бернье Ф. 14
 Бехтерева Н. 59
 Бибилов С.Н. 3, 44, 53
 Брайчевский М.Ю. 91
 Бродель Ф. 19
 Бромлей Ю.В. 78
 Васильев И.Б. 64
 Васильев Л.С. 13
 Вернер И. 93
 Видейко М.Ю. 27, 28, 62
 Виноградов П. 18
 Винокур И.И. 91
 Воронин Н.Н. 49
 Высоцкий С.А. 46
 Гамкрелидзе Т.В. 64
 Гардизи 94
 Генинг В.Ф. 3, 11, 42, 46, 47, 50, 51, 52, 78
 Геродот 71, 74, 90
 Гимбутас М. 63
 Горнунг Б.В. 68
 Грантовский Э.А. 67
 Греков Б.Д. 48, 49
 Григорьев Г.П. 47
 Грушевский М.С. 48, 63, 75
 Гуляев В.И. 28
 Гумилев Л.Н. 21, 28, 32, 33, 38, 39, 41, 42, 45, 58, 59, 60, 61, 75, 76, 77, 78
 Гуревич А.Я. 11, 12
 Данилевский Н.Я. 17
 Джонс У. 64
 Довженко В.И. 3
 Дьяконов И.М. 11
 Ефименко П.П. 48
 Жебелев С.И. 54
 Захарук Ю.Н. 3, 42, 47, 50, 51, 53
 Ибн Русте 94
 Ибн Хаукаль 93
 Иванов В.В. 64
 Илюшечкин В.П. 12, 23
 Иордан 92
 Клейн Л.С. 3, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 78, 79, 99, 100
 Конча С.В. 65
 Kossina G. 64
 Костомаров Н.И. 75
 Кривцова-Гракова О.А. 88
 Кузык Б.Н. 7, 19, 20, 27, 28
 Лагодовская Е.Ф. 88
 Леонтьев К.И. 17
 Лесков А.М. 69
 Литаврин Г.Г. 95
 Лобай Б.И. 71
 Лыпынский В. 85, 86
 Любавский М.К. 73
 Макаревич М.А. 88
 Максимов Е.В. 90, 91

- Маркс К. 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 20, 23, 24, 35, 37, 38, 44, 45, 52, 53, 61, 100, 101
Массон В.М. 48, 60
Махно Е.В. 91
Мединцева А.А. 46
Меллори Дж.П. 65
Мельник Я. 82
Мерперт Н.Я. 66, 87
Мовша Т.Г. 63
Моисеев Н.Н. 17
Монгайт А.А. 3
Морган Л.Г. 5, 10, 15, 16, 24, 29, 32, 35, 36, 37, 38
Мурзин В.Ю. 70
Нестор 72
Новосельцев А.П. 95
Отрощенко В.В. 67
Павленко Ю.В. 7, 8, 11, 12, 14, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28
Петров В.П. 58, 59, 60, 62
Пиотровский Б.Б. 3
Погодин М.П. 75
Приходнюк О.М. 93
Прицак О. 94
Равдоникас В.И. 3
Раевский Д.С. 67
Рымбаков Б.А. 3, 46, 48, 49, 63, 71, 74, 82
Сафронов В.А. 64
Свешников И.К. 66, 88
Сегеда С.П. 72
Симокката Феофилакт 92
Симоненко А.В. 71
Синюк А.Т. 64
Соломоник Э.И. 46
Телегин Д.Я. 63, 65
Тереножкин А.И. 70
Тихомиров М.Н. 48, 49, 50
Ткачук Т.М. 82
Тойнби А.Дж. 16, 17, 18, 19, 21, 22, 32, 59, 60, 61, 76, 77
Толочко П.П. 57, 73, 97
Топоров В.Н. 73
Трубачев О.Н. 64, 67, 68, 69, 73
Фасмер М. 73
Федоров-Давыдов Г.С. 42
Фергюсон А. 10
Филин Ф.П. 68, 69
Хазанов А.М. 13
Хвойка В.В. 61, 62
Хмельницкий Богдан 34
Шапошникова О.Г. 88
Шахматов А.А. 73
Широкогоров С.М. 45, 58
Шмаглий М.М. 62
Шнирельман В.А. 78
Шпенглер О. 17, 59, 60, 76, 77
Щербакинский В. 62, 63
Щукин М.Е. 90
Энгельс Ф. 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 22, 23, 24, 35, 37, 38, 52, 53, 61, 101
Юшков С.Е. 48
Яковец Ю.В. 7, 19, 20, 27, 28
Янин В.Л. 46, 49
Яценко С.А. 90

Содержание

Предисловие

3

Устарела ли формационная
периодизация истории?

7

Эволюционная поступательность
или прерывность исторического развития?

31

Какова компетенция археологии?

41

Археологическая культура и этнос

57

Европейцы или азиаты?

85

Исторический марксизм и археология
(Вместо заключения)

99

Именной указатель

102

Наукове видання

ТОЛОЧКО Петро Петрович

АРХЕОЛОГІЯ ТА ДАВНЯ ІСТОРІЯ

(НА ЗАХИСТ ІСТОРИЧНОГО МАРКСИЗМА)

російською мовою

Редактор *Дроботько Н.Д.*
Технічний редактор *Шендерович Т.М.*
Художнє оформлення *Корзун М.М.*
Комп'ютерна верстка *Каніщева В.М.*

Видавничий дім "Академперіодика" НАН України
01004, Київ-4, вул. Терещенківська, 4
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта
видавничої справи серії ДК № 544 від 27.07.2001.

Підписано до друку 22.03.2007. Формат 60 × 100/16.
Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 7,35. Обл.-вид. арк. 7,18.
Наклад 500 прим. Зам. № 1841

Друкарня Видавничого дому "Академперіодика" НАН України
01004, Київ-4, вул. Терещенківська, 4

ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ НАН УКРАЇНИ